

Лана Муар

Докричатся до небес

Лана Муар

Докричатся до небес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60968116

ISBN 9785005151568

Аннотация

Для всех он – восходящая звезда рэпа, взрывающий чарты своими новыми треками, озлобленный Волк, живущий в своем мире без чувств. А для меня... совсем другой. И пусть он исчезает внезапно и так же внезапно возвращается. Тогда, когда захочет сам. Настолько, насколько захочет сам. Нас связывает тонкий аромат лаванды и музыка. Безумно тонкая нить... Безумно прочная нить... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Фил	5
2	9
3	18
4	28
5. Маргарита	40
6	54
7	62
8. Фил	71
9	79
10. Маргарита	89
11. Фил	100
12	112
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Докричаться до небес

Лана Муар

© Лана Муар, 2020

ISBN 978-5-0051-5156-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Фил

– Извинись! – прорычал батя, запуская в меня своей любимой пепельницей.

Она с грохотом влетела в стену в метре от моего уха, брызнув осколками по полу.

«Снайпер!» – пронеслось у меня в голове, хотя я прекрасно осознавал, что если бы он захотел, то сейчас моя тушка сползала бы по стене с торчащей из башки хрустальной кромкой. Прямо на эту ебучую шкуру, на которой папочка увлеченно жарил своих очередных кандидаток на роль махехи для сыночка, являвшегося не вовремя. И похуй. Шкура здесь была одна. И сыночек тоже один, а вот кандидаток за последние годы сменилось столько, что даже запоминать их имена я не утруждался, называя всех Ингеборгой. Хер знает, откуда взялось, но первая, которая услышала это в свой адрес, сперва устроила истерику с битьём посуды для папика, а потом собрала чемоданы и исчезла в никуда. Не забыв забрать цацки-подарки. Обида обидой, но брюликами батя баловал не скупясь. И у меня заклинило. Назвал Ингеборгой – кошелка свинтила. Профит? Профит! И понеслась. Вторая продержалась чуть больше недели, третью батя выгнал сам, когда увидел ее в постели. Не в его, а в моей. А что? По ушам я тоже езжу так, что могу мастер-классы вести, но в падлу. В смысле не лень, а в плане делиться. Тем

более на хрена? Кто не может снять тёлочку сам, пусть пашет и копит на эскортниц, ищет давалок или дробит, представляя себя горячим мачо, а не зачуханцем.

Но с этой все пошло не так. Психологиня же ж. «Филипп, давай поговорим...», «Филипп, что тебя интересует?», «Филипп, как ты смотришь на то, чтобы мы все вместе слетали на концерт Еминема?» Бля, что? Сперва научись правильно произносить слова, а потом предлагай! Поговорить... О чем? О детских проблемах и символизме плюшевых мишек, которые стоят на полке в моей комнате с тех пор, как мама... На хер! Давай лучше поговорим, Ингеборга, о... бля, я вижу, как тебя подмывает вставить мне в башку электроды и понажимать на кнопки, чтобы написать очередную статейку-высер на тему воспитания подростков в период чего-нибудь там... Вот только обломчик выходит, да? Батя тебе за такие шалости башку сам открутит, да и подростку уже почти двадцать. Так что, давай-ка, Инга, которая Борга, вещички в чемодан, брюлики в карман и тю-тю! Но она не тютюкнула. Ни через неделю, ни через месяц, ни через год. И даже через два ее спокойная до бесячки физиономия мозолила перед глазами, когда я решал, что стоит объявиться и напомнить о том, что живой. Через три узнал, что Ингеборга на самом деле Инга, а батя с ее подачи решил купить мне тачку. Спасибо. На хуй! Вернее на столб. Прямо во дворе. Так, чтобы этот самый столб, торчащий из багажника, с высоты родительских окон напоминал один нетривиальный пред-

мет фаллического значения. С почерневшей мошонкой-«А-УДИ». Посыл увидели, осознали, оценили и вместо ожидаемого выноса мозгов батя задал один вопрос. Чем я хочу заниматься. И этого говна я ждал от кого угодно, но только не от него. След шаловливых пальчиков Ингеборги был на лицо. Как и она сама. Но в кресле. Покачивая тапочком, наблюдала со стороны. Психологиня недоделанная. Хочешь шоу? Окей, я тебе подкину от щедрот на вентилятор.

– Музыка, батя. Хочу типа стать Еминемом.

Прямо так и сказал. Коверкая и скалясь. Сожрали? Еще добавки?

– Что именно для этого нужно?

Серьезно? О, зря. Моя фантазия очень богатая. И там найдется столько всего, что вы с Ингой-Боргой охренеете список составлять. Все еще пишешь? Окей.

– Тогда еще студия звукозаписи.

– Одно условие. Никакой наркоты. Узнаю – посажу сам.

– Лады.

Даже руки пожали, как бизнесмены, ептыть. Все довольны? Разбегаемся, шоу окончилось. Шоу да, а разбежаться не получилось. Батя выцепил какого-то дизайнера, которому я трахал мозги на полную три месяца, пока не надоело. Даже вывеску набросал, чтобы отъебался. Клуб имени себя любимого. Могу позволить. Батя один хрен знает, что все эти разговоры – пшик. Занял сыночка конструктивным трудом и аминь. Херушки, как оказалось. Не забыл ни хрена и в оче-

редной день прислал водятла, чтобы показать мой личный «Feelings».

– Занимайся. Будут вопросы – знаешь где меня искать.

Отдал ключи с доками и отвалил, оставляя осматривать владения. Найс. Все как хотел. Вот только вопросы возникли сразу. Банальная лицензия на продажу алкашки. Это же не наркота? И нам же не нужны проблемы? Естественно, нет. Дорогу домой я помню. Пришел и бросил этой психологине:

– Принеси кофе.

И в ответ услышал: «Извинись». А когда выбрал лимит терпения, прилетела пепельница.

– Извини, Инга, – выплюнул сквозь зубы, глядя на отца, и спросил, – Доволен?

– У тебя двадцать минут.

– Уложусь.

Спайка игл методично вколачивала черную краску под кожу, огибая белесые тонкие шрамы. Каждый из них Бутч старательно оставлял нетронутым, вписывая в будущую картинку. Словно лишний раз хотел напомнить, что я кретин, а он художник, и любой косяк бурной молодости может превратить в произведение искусства. По сути так и есть. Только вместо кистей и красок у него набор игл, тату-машинок и бутылки с пигментами, а в роли холста с косяками сегодня выступаю я. Бутч подсел на иглу, как он сам говорил, два года назад, но теперь к нему записаться могут только избранные. Выбирает себе клиентов по одному ему понятному принципу. И только у меня полный карт-бланш – моей роже разрешается звонить в любое время суток. Что я и сделал три дня назад в два часа ночи, бухой настолько, что не мог связать двух слов. Бутч лично приперся за мной на такси, привез в студию, и пока я закатывал рукав, воюя с гравитацией, сварил кофе.

– По какому поводу такая степень ужратости? – спросил он, протягивая мне кружку.

– У мамы день рождения. Бутч, сделай красиво, а? – попросил я, вытаскивая из карманов всю наличку и сваливая ее на подкатной металлический столик.

– Что хочешь?

– Не знаю. Но чтобы было красиво.

– Для телочек или для себя? – уточнил Бутч.

– А как надо?

– Фил, рука твоя, тебе и решать. Мне фиолетово.

– Да? – кое-как сфокусировавшись на его переносице удивился я.

Смотреть в глаза Бутчу не получилось бы при всем желании. С рождения они косили так, что никогда нельзя было понять куда он смотрит на самом деле.

– Давай тогда пойдем как обычно. Вываливай свой поток сознания, а я что-нибудь почиркаю, и потом посмотрим.

Сейчас я не вспомню и половины из того, что ему наговорил. Меня уносило в такие дебри, которые не снились в кошмарах даже психам, но Бутч кивал, что-то рисовал в планшете, останавливаясь, чтобы сварить очередную порцию кофе или уточнить цвет.

– Все черно-белое, Бутч. Не хочу цветного!

– Как твоя жизнь, – хохотнул он, и я кивнул. – Короче, давай так. Ты проспишься и приедешь, если не передумаешь.

– Бутч, я хочу прямо сейчас!

– А мне по хую твои хотелки! Бухого колоть все равно не стану – кожа дубовая и кровищи будет море. Потом перекрашивать тебя полностью.

– Ну о`кей. Я все равно приеду.

– Послезавтра. В восемь утра. И возьми с собой пожрать. Надумаешь делать, значит хреначить будем до победного.

Выпнул меня из своей студии, а сегодня докрашивал внутреннюю часть предплечья, превращая шрамы в отблески луны на покрытом мелкой рябью озере. Мне достаточно было один раз посмотреть на эскиз, чтобы еще раз убедиться в том, что Бутч услышал меня. За два дня на моей руке появился рукав: на плече лицо воинственной девушки в шлеме, из-за которого проглядывала щербатая луна, и ниже, на предплечье, стоял густой черный лес, переходящий в небольшое озеро, а на его берегу тоскливо был в тумане одинокий волк. И хотя лица у девушки не было видно полностью – шлем-череп, украшенный когтями, чеканкой и крыльями, скрывал большую часть, оставляя видимыми только пронзительно грустные глаза и приоткрытые губы, – я чувствовал, что она наблюдает за волком, в котором узнал себя.

Бутч полностью промыл татуировку и, сделав несколько фотографий для своего портфолио, замотал руку одноразовой пленкой.

– Завтра придешь с утра, закатаю в пленку. Не бухать, не чесать, промоешь часов через шесть и замотаешься так же. Пленки в аптеке купишь сам. Не маленький, – выдал он рекомендации.

– Кто та девушка? – спросил я.

– Твой личный ангел. Будет присматривать за тобой дебилом.

– Только не начинай свои бредни, Бутч. Это просто татуха и она ничего не изменит. Мне Ингеборги хватает с ее ковы-

раниями и символизмами.

– Тебе она не нравится?

– Ингеборга?

– Говорю же – дебил!

– Пошел ты! – оскалился я, посмотрел на эскиз, уже прикрепленный на стену, и хмыкнул, – Ничего такая. Вообще, по красоте получилось.

– Татуха есть. Красивая. Клиент доволен, клиент может валить.

– Сколько с меня, Бутч?

– С тебя? – он оценивающе посмотрел на меня и заржал. – Считай, что подарок, если нихрена не помнишь. И вот еще что, Фил.

– Ну?

– Ночь темнее всего перед рассветом.

– Что?

– Что слышал. Вали уже. Единственное желание – побыстрее избавиться от твоей рожи и завалиться спать.

– Будь, Бутч.

– Надумаешь второй рукав хреначить – заходи, поболтаем.

Мы похлопали друг друга по спине и разбежались.

Реакция отца ожидаема. Зол. Для него все, что я делаю, кажется происходящим за гранью адекватности. Орет так, что барабанные перепонки вот-вот лопнут, а хрустали-

ки-подвески у люстры в коридоре начинают дребезжать. Даже успокоительное, в виде Ингеборги, помалкивает, благо-разумно сохраняя безопасную дистанцию. Батя в гневе становится слепым и глухим.

– Сегодня же сведешь эту херню! – грохочет его голос.

– Нет.

– Я сказал, что ты ее сведешь! – медленно цедит он сквозь стиснутые зубы. Достает из кармана кошелек, и к моим ногам летят несколько купюр.

– Еще раз повторить?

Он сверлит меня взглядом. Испепеляя своей ненавистью. Вот только в ответ получает ровно ту же порцию ледяной злости. И загнав меня в угол, загородив собой выход из ванной, делает самую большую ошибку.

– Ты меня никогда не понимал и не слышал. Папа... – последнее слово выплевываю ему в лицо, покрывающееся красными пятнами. Но даже этого мне мало. Я бью по самому больному. Наотмашь. Так, чтобы он закрипел зубами, а перед глазами вспыхнула кровавая пелена. – Ты убиваешь все, к чему прикасаешься. Это твоя вина, что мама...

– Филипп, прошу тебя, остановись!

Ой, кто это тут у нас лезет? Психологиня Ингеборга? Решила разрулить конфликт? Да? Самая умная?

– Лучше накапай папику валерьянки. Хотя какая-то польза будет, – рычу я, – И не учи меня, как с ним разговаривать. У тебя нет на это никакого права. Ты мне на мать! И никогда

ей не будешь!

– Филипп!

– Я – Фил! И будет лучше, если он, – киваю на сатанеющего отца, – свалит с моей дороги прямо сейчас.

– Марк, я тебя прошу... Марк, пропусти Филиппа...

Он медленно отшатывается назад, а Ингеборга тут же вклинивается в образовавшийся просвет и встает между нами. Идиотка. Неужели она всерьез считает, что сможет остановить хоть кого-то, если накаленные нервы у одного из нас лопнут и начнется потасовка?

– Марк, пожалуйста. Марк! Пожалуйста, отойди.

Она по миллиметру оттесняет отца в коридор, а я, не мигая, жду, когда преграда исчезнет. Заканчиваю промывать руку, заматываю ее пеленкой и выхожу, чтобы хлопнуть дверь квартиры, ставя финальную точку. Батя снова проиграл. Несгибаемая скала стала сыпаться и давать трещины, когда в доме появилась эта проклятая психологиня.

В клубе сегодня жарко. Зависнув с парой знакомых в студии, писали всякую хрень, пробуя аппаратуру. Я ржал, когда Мистик трясущимися руками ощупывал пульт, стараясь не дышать в его сторону лишний раз.

– Норм техника? – бросаю я в спину диджею, затушив окурок и уложив его на вершину горы в пепельнице.

– Фил, ты хоть знаешь сколько все это стоит? – оборачивается Мистик.

– Нет. Гораздо интереснее, что ты сможешь на этом сделать. Мы ж типа звезды, а ты наш гуру музыки. Сбациаешь что-нибудь?

– Ты шутишь?

– Я разве похож на шутника? Валяй. Студия в твоём распоряжении.

Развалившись в кресле, щелчком выбиваю из пачки новую сигарету и наблюдаю за тем, как Мистик подключает пульт к своему задрипанному ноуту. Повозившись несколько минут, повернул регулятор громкости, и из колонок стал звучать бит, поставленный на репит. Жесткий, словно удары профессионального боксера по груше, ритм заставил улыбнуться – норм тема, так и тянет под такое начистить кому-нибудь рыло. Мистик тоже кайфует, смотрит на меня, а потом кивает в сторону микрофона за стеклом:

– Слабо зачитать фристайл?

– Лениво... – ухмыляюсь в ответ, стряхивая пепел под ноги.

– Типа звезда уже зазвездилась? – ржет Мистик.

– Типа того.

– Ну лады. Так и скажи, что зассал.

– А по зубам?

– Давай вон туда, – он скалится, показывая на микрофон, – а я послушаю, как именно ты собрался пересчитывать мне зубы. Ты ж типа рэпер. Йоу, бро и все такое.

Мистик повернул рукоятку громкости немного сильнее

и начал мотать башкой. Я заржал, повернулся к бухому Клейстеру, и он развел руками:

– Не, Фил, Мистик дело говорит. Давай не очкуй. Тут все свои, – икнул и присосался к бутылке вискаря.

– Да и хер на вас!

Докурил сигарету в две затяжки и вальяжно поперся в комнату для записи. Мистик постучал пальцем по стеклу и показал на наушники.

– Иди на хер! Не маленький, – прокомментировал я, снимая со стойки «Сенхайзеры».

Плотные амбюшуры отсекали меня от всего мира, оставляя один на один с музыкой.

– Начинай, как будешь готов. Я подхвачу, – Мистик показал мне большой палец и начал колдовать над пультом.

– Мистик сегодня слюни пускает. Папочка Фил ему зубы считает... – прочитал я и заржал, когда Клейстер удивленно вылупился на меня.

– Ладно. Пошутит и хватит. Может помедленнее сделать? – Мистик наклонился к небольшому микрофону и его голос звучал так, словно между нами не было шумоизоляции и толстого стекла.

– Оставь так. Норм дубасит.

– О`кей.

Я закрыл глаза, пропуская сквозь себя удары ритма, подстраиваясь под него. И когда перед глазами понеслась картинка потасовки в клубе, накрыл микрофон ладонью.

Хлестко, жестко, больно, технично,
Удар за ударом, здесь все очень лично.
За каждое слово придется ответить,
Если ты хочешь дожить до рассвета.
Телочки, тачки, музло из колонок.
Кто ты? Щенок или все же волчонок?
Кровь на костяшках и привкус металла.
В челюсть, по почкам... Вставай, если мало.
Один на один, все как в старое время.
Толпа за спиной отсекла от системы.
Братья помогут подняться с колен
В зарослях джунглей из каменных стен.
Мистик за пультом, Фил в твои уши.
Хочется правды? Тогда меня слушай.
Если ты сможешь дожить до рассвета,
Значит за каждое слово ответил...

А музыка плавно вытягивала из меня всю подноготную. Все, что копилось во мне, варилось внутри головы, рвалось наружу и превращалось в слова. Слова складывались в предложения, предложения в текст, а текст ложился на музыку, звучащую из наушников. Мистик сменял биты, словно жонглёр. Тасовал ритмы, как колоду карт, а я читал, читал, читал... С закрытыми глазами выпускал в этот мир часть своего: дерьмового, черного мира, с густым лесом покореженных деревьев, с озером, покрытым предрассветной дымкой. Мир, где я был волком, воющим на Луну. Я остановился лишь почувствовав хрипящие выдохи – на столько сильно пересохло горло, – и струящийся по лицу пот. Оттерев краем футболки лоб, помотал башкой, отгоняя от себя это непонятное состояние. Вроде бы ничего не делал, а устал, как собака.

– Мистик, завязывай. Я все сказал, – прохрипел в микрофон, открывая глаза.

И осознал, что за стеклом уже никак не два человека, если только Мистик с Максом не научились делиться почкованием и менять при этом пол. Клейстер смотрел на меня полностью трезвыми глазами, хотя бутылка в его руке была почти пустой, Мистик что-то говорил в микрофон, но я нигде не слышал. Помотал головой и после секундного замешательства услышал голос друга:

– Фил, блядь! Ты вообще!!! Фил!!!

– Кто эти телки? – спросил я, обрывая восторженный словесный понос.

– Да хрен знает. Клейстер позвал. Сказал, что надо фан-клуб делать, а он теперь твой рекламный агент.

– Цыпы – это хорошо, – плотоядно ухмыльнулся я, пере-скакивая взглядом с одной на другую. Все вроде кайфовые, и трое откровенно ответили на оценивающий взгляд молчаливым согласием. Ночка явно обещала быть запоминающейся. – Тогда, пусть Клейстер админше скажет, чтобы усадила фан-клуб за мой личный столик. И раз сам вызвался, то теперь будет отдуваться по полной. Понял?

Макс согласно закивал, показал большой палец и что-то сказал выводку новоиспеченных фанаток, показывая на дверь, а потом на меня.

«Давай уже, гони всех к херам!» – мысленно поторопил его я, и когда за ними наконец-то закрылась дверь спросил:

– Мистик, только без соплей и слащавых пилюль. Варианты есть?

– Фил, ты совсем чокнутый? Да с тобой мы чарты к херам порвем! Ты, мать твою, выдаешь, как пулемет! Телки кипятком ссались!

– Про мать чтобы больше не слышал! – прошипел я, чувствуя, как леденеет кровь в жилах.

– Усёк. Ты босс, и правила твои. Но это было нечто!!! – Мистик поднял ноутбук так, чтобы я мог его видеть, – Я все

записал. Все тут! Все!!! Тут на альбом точно! Не знаю, какая муха тебя укусила, но я готов расцеловать ее жопу!

– Сомневаюсь, что муха будет рада такой внезапно проснувшейся любви, – заржал я. Посмотрел на часы и снова помотал головой. – Короче, сейчас работаем как обычно, а в свободное время студия твоя. Нужны будут бабки или ещё что из аппаратуры скажешь.

– О`кей. Тогда я вниз.

Мистика сдуло из студии, а я несколько минут стоял в абсолютной тишине, пытаюсь понять, что за херня произошла. Повесил наушники на стойку микрофона и пошел в душ. Каким бы говнюком не был батя, но банальное личное пространство никто не отменял. И в клубе была небольшая потайная дверь, за которой находилась квартирка-студия со всеми причитающимися удобствами. А мне сейчас до жути хотелось принять душ и поменять липкую футболку на что-то свежее. Вроде бы в служебном помещении в одном из шкафов оставались белые майки. Дресс-код для официантов – простая белая майка и джинсы. Чтобы не понторезили и знали свое место.

Замотав руку бинтом из аптечки и натянув чистую майку, я пошел в зал.

«Фан-клуб, – ухмыльнулся я, – Бесплатная доставка готовых цыпочек для развлечений. Беленькая уж очень томно смотрела на меня через стекло, значит согласится задержать-

ся сразу. А две другие подопыют, и тоже никуда не смоются. Хотя... Судя по тому, что уже сейчас высматривают меня среди посетителей, готовы. Кайф! Веселье обеспечено.»

Погруженный в свои не слишком стесняющиеся мысли, я едва не сшиб, вскочившую девушку, а она уже схватила меня за руку:

– Извините, к нам вообще кто-нибудь подойдет? – спросила она, однозначно принимая за одного из официантов.

Рассмотрев девушку повнимательнее, хмыкая и скалюсь самым доброжелательным оскалом, на который только способен.

– Кого-то определенного желаете или я подойду?

– Мне без разницы кто, просто примите заказ. Иначе...

– Что? Пожалуетесь начальству? – а она реально не понимает, что я не официант. О`кей. Бросил взгляд на свой столик и махнул, обиженно надувшим губки, «фанаткам», – Сейчас подойду.

– Сперва вы обслужите наш столик! И где ваш бейджик?

Ого! Да мы еще и диктовать условия собираемся? Бейджик тебе подавай? О`кей! Повеселимся!

– Бейджик? – спрашиваю ее и, начиркав маркером «Фил» на салфетке, заправляю бумажку под ворот майки. – Бейджик. Дальше что?

– Мне вас учить, как нужно обслуживать клиентов?

– А ты уверена, что меня стоит учить? Пока никто не жаловался, – я расплываюсь в двусмысленной улыбке, – Но,

мне кажется, что сегодня появится первая жалоба. Да?

– Обязательно.

– О`кей. Давай попробуем, – я вытягиваюсь по стойке смирно и заношу маркер над второй салфеткой. – Добрый вечер, что будете заказывать?

– Два виски с колой, бутылку красного вина и четыре бокала, – диктует она медленно, словно я имбецил. – И не забудьте про жалобную книгу.

– Заказ принят, – а теперь поговорим по-моему. – Паспорт.

– Что?

– Согласно правилам заведения, я должен убедиться, что вам есть восемнадцать лет. Не хочу потерять работу из-за того, что принес алкоголь несовершеннолетним.

«Да-да-да, сейчас увидим, что нам едва ли не завтра стукнет восемнадцать, и отправимся домой баиньки.»

Искаева Маргарита Владимировна. Двадцать один год стукнуло. Норм. Возвращаю паспорт и ради прикола забираю бумажную розочку. Пусть побесится. А «фанатки» подождут. Щелчком пальцев подзываю бармена:

– Дэн, два вискаря с колой, четыре бокала и вино получше, – я оборачиваюсь и, покрутив розочку, решаю не глумиться. Хрен с ней. У девочки день рождения вроде как, а тут такое хамло. – И розу с жалобной книгой.

– А книгу зачем? – искренне удивляется Дэн.

– За тем, что я тебе так сказал.

– Как скажешь.

Фанатки ржут, когда я возвращаюсь с подносом в руках к столику с именинницей.

– Приношу вам свои глубочайшие извинения. Ваш столик сегодня обслуживается за счет заведения, – я прямо сама любезность. – С днем рождения, Маргарита.

Положив перед девушкой жалобную книгу с розой, едва сдерживаюсь, чтобы не заржать в голос. Она всерьез собирается писать жалобу. Вытащила из сумочки ручку и перелистывает страницы.

– Не договоримся?

– Не со мной!

«Ух-ух-ух, какой грозный взгляд! Все-все-все.»

– Тогда я отчаливаю.

Подошел к своему столику и спросил:

– Ну что, девочки, как на счет небольшого прикола? Я ж типа звезда, да?

Они глупо ржут, а я смотрю на Маргариту Искаеву и решительно поднимаюсь на сцену.

– Мистик, хочешь поугарать?

– Ну да, наверное, – неуверенно отвечает он.

– Короче, гугли какой-нибудь медляк, наложишь на него что-нибудь из своего, а я тут кое-кому привет передам.

– О`кей.

Со стойкой микрофона подхожу к краю сцены и проверяю включен ли он. Фанатки ржут. Ржите, лошади. Посмотрим,

как вы запоете ночью.

– Раз, два, проверка связи... Всем добрый вечер.

– Фил, жги!

– Заткнись, Макс! – киваю Мистику, и он уводит музыку в ноль, а за место нее включает «Don't speak».

Крутяк, я ее знаю чуть-ли не наизусть. Показываю Мистику кусочек, который мне больше всего нравится и он начинает звучать на репите, ускоряясь и переплетаясь с битом. По наитию закрываю глаза, повторяя все действия ровно так же, как в студии. Заодно проверю, так ли оно работает.

Если сегодня я выйду на сцену,
С легкостью склею Катю, Олю и Лену.
Но мое сердце в осколки разбито
Ангелом нежным по имени Рита.
Слов не найти, я читаю душою,
Что же ты делаешь, детка, со мною?
Гвен подскажи, я прошу, дай совета,
Что мне сказать в рэпе ангелу света?

Я замолкаю, и Мистик вставляет припев:

Don't speak, I know just what you're sayin'
So please stop explainin'
Don't tell me 'cause it hurts
Don't speak, I know what you're thinkin'

I don't need your reasons
Don't tell me 'cause it hurts

Фанатки за столиком завизжали, требуя продолжения,
но я хочу, чтобы сейчас она посмотрела на сцену. Да! По-
вернулась!

Этот фристайл – от души извинения.
Я не хотел портить твой день рождения.
Может начнем мы с тобою с начала?
Без обвинений, что ты написала.
Да, я не ангел, кажусь туповатым,
Много курю и не брезгую матом.
Гвен мне сказала, я мальчик-плохиш,
Но в день рождения может простишь?

Don't speak, don't speak
Don't speak, no
I know what you're thinkin'
And I don't need your reasons
I know you're good, I know you're good
I know you're real good, oh

Она улыбается, а у меня внутри от этой улыбки что-то
щелкнуло. Мне зачем-то была нужна именно такая реакция.
Искренняя и чистая, как снег, а не фальшивые визги со сто-

роны моего столика. Зачем? Я даже не успел прочувствовать этот момент до конца, чтобы сделать хоть какую-то зарубку разобраться в такой зудящей необходимости добиться улыбки именно этой девушки, как одна из ее подруг вскочила со своего места и куда-то побежала с курткой. Мгновение оборвалось. Все сидящие за столиком рванули следом за убежавшей, а я стоял на сцене, застыв истуканом. Бросил микрофон под ноги и из колонок раздался резанувший по ушам противный звук. Мне нужно было идти. Зачем? Почему? Не знаю. И выйдя на крыльцо клуба, внутри пробежал морозный холодок. Из припаркованного внедорожника рванул какой-то мужик, на бегу бросил мне ключи и заорал:

– Отвези ее в больницу! Срочно!

Связка попала мне прямо в ладонь, и вместе с ней накатил ступор. Перед глазами замелькали картинки, которые каждый день приходили в кошмарах, заставляющих просыпаться в холодном поту с криком отчаяния. Я смотрел на эти ключи и столбенел все сильнее и сильнее, не в силах пошевелиться. Кто-то рванул меня за плечо, отталкивая в сторону. Нога инстинктивно сделала шаг. Второй. Третий. Словно плохо запрограммированный робот, я на негнущихся ногах медленно пошел к автомобилю, сел за руль и с десятой попытки попал ключом в замок зажигания. Двигатель завелся с первой. Вспыхнули фары, освещая ярким светом нескольких людей, орущих около угла клуба, и меня затрясло. Там, в пучке света, я увидел призрачный силуэт мамы, а в голове

прозвучал ее голос:

– Сыночек, помоги.

– Мама!

Я вдавил педаль в пол, подгоняя машину, и закрутил головой, высматривая куда исчезло видение. Слезящимися глазами искал повсюду, и оно вновь засветилось в свете фонаря. Громко хлопнули двери, по ушам резанул ор, словно удар тока, пробивающий перегоревшие микросхемы в голове. Мама сделала шаг назад:

– Сыночек...

– Мама!

Я гнал, не разбирая дороги, метался из полосы в полосу, стараясь догнать, не потерять, вспыхивающий в свете фар встречных машин, силуэт, а за спиной орали, кто-то громко плакал и тихонько выл от боли.

«Мама, я успею. Мама я обязательно успею.»

– Бутч, забери меня, пожалуйста.

– Ты где?

– У мамы.

– Сейчас буду.

Он отключился, а я положил телефон рядом с собой на скамейку и потянулся к бутылке. Свернул пробку и сделал жадный глоток. Поперхнулся, но продолжал пить, не чувствуя вкуса. Так, словно вместо коньяка, я пил воду. Давился, проталкивая в себя глоток за глотком единственное спасение от своих мыслей и самого себя. Посмотрел на фотографию и виновато отвел глаза:

– Прости, мама. Я завяжу. Обязательно завяжу, но не сегодня.

Отставил опустевшую бутылку в сторону и потянулся за второй, физически ощущая осуждение единственного человека, который меня понимает. Понимал. Горлышко выскользнуло из трясущихся пальцев, и я, поежившись, опустился в снег на колени, шаря рукой под скамейкой. А бутылка, словно издеваясь, никак не хотела возвращаться, отскальзывая все дальше. Зарывав от злости, повернулся, наткнулся на небесно-голубые глаза, и завыл, молотя кулаком промерзшую землю.

Бутч бережно положил букет алых роз у основания мраморной плиты, провел ладонью по ее краю, а потом расстегнул куртку и накинул ее мне на плечи.

– Фил, ты совсем ебнулся. Еще бы голый приперся.

– Заткнись. Что ты со мной сделал? Что ты мне вколол, Бутч?

– Заглохни! – он поднял меня, прислонил к оградке и быстро собрал в пакет бутылки. – Поехали.

– Что ты сделал? Зачем? Бутч, ты мудака! Зачем ты мне сказал про ночь?

– Затем, чтобы ты начал думать! – зло ответил он. Тряхнул пакетом и, схватив меня за грудки, притянул к себе. – Это тебя не спасет! Понимаешь? Подумай своей тупой башкой! Подумай, что бы сказала твоя мать! Подумай, Фил! Этого она хотела от тебя? Сомневаюсь.

– Отвали! – оттолкнув его от себя, заорал я. – Ты ни хрена не понимаешь!

– Да? – Бутч снова рванул меня на себя и зло зашипел, – У меня не было и сотой части того, что было у тебя! Твоя мать не отказалась от тебя! Не бросила у дверей детдома, чтобы не позориться сыном-уродом. И после этого, ты мне хочешь сказать, что я ничего не понимаю? Меня вычеркнули из жизни за кривые глаза, а за тебя, дебила, отдали жизнь! Кто из нас двоих должен ненавидеть этот ебучий мир? Кто? Ты? Или все же я? Кто, Фил?

Бутч встряхнул меня, как щенка, и опустил на скамью.

– Помнишь, как мы познакомились? – усмехнулся он. – До сих пор не могу понять, почему твоя мама тогда не сдала меня в ментовку. Привела к вам домой, накормила и попросила отдать фотографию из кошелька. Фотографию, а не деньги. Понимаешь? Ей была важна твоя фотография.

– Заткнись! – прохрипел я, вытирая слезы. – Я все это знаю.

– Нет! Ты послушаешь еще раз! – Бутч достал из кармана связку ключей и посмотрел на маленькую обшарпанную машинку-брелок. – Ты тогда отдал ее мне, хотя тетя Женя только купила новую модельку для твоей коллекции. Помнишь?

– Помню. Красный «Вайпер».

– И трансформера.

– Который ты тут же сломал, – грустно улыбнулся я.

– Иди в жопу! У меня таких игрушек никогда не было. Откуда я знал, как его правильно складывать, – Бутч пожал плечами и помотал головой. – Прикинь, как мне было обидно. А сейчас. Посмотри на себя, Фил. Откуда из тебя вылез этот урод? Где тот парнишка?

– Он умер, Бутч.

– Повтори!

– Он умер, Бутч!

– Нет, сука! – Бутч поднялся и хлестко ударил меня в грудь, вышибая из нее остатки воздуха. – Ты, как последний дебил, закопал его в том дне! Не стал даже пробовать жить дальше! Думаешь тебе одному херово? Да? Твоя ма-

ма собиралась усыновить меня. Она уже оформила все документы, и я впервые поверил, что у меня тоже будет настоящая семья и появится младший брат. А ты? Помнишь, как ты радовался? Помнишь, как показывал мне мою будущую комнату?

– Помню, Бутч, – прохрипел я, хватая ртом воздух.

– Мне насрать, что ты там себе придумал. Нравится тебе это или нет, но ты все равно остался моим братом. Младшим братишкой, который уже в край задолбал своими выходками! – он помог мне разогнуться и повел к машине с шашечками, выкинув пакет с бутылками в мусорку. – Дебил, ведь просил не бухать.

Два дня я провалялся в постели, бредя от температуры и кошмаров, захлестнувших мое сознание с новой силой. А Бутч все это время возился со мной. В те моменты, когда я выныривал в реальность, он отпаивал меня какой-то мерзостью, укутывал одеялом, слушая, как стучат мои зубы о край кружки и снова исчезал в накатывающей темноте. Мир превратился в повторяющиеся слайды одного единственного дня. Дня, который разделил мою жизнь на две части. В одной я был счастливым мальчишкой, бегущим с мамой наперегонки по лестнице, а в другой... В другой появился поседевший отец и звенящая пустота в квартире.

– Ну как? Полегче?

– А что со мной будет, Бутч, – просипел я, выдавливая улыбку. Поднялся с постели и стал натягивать джинсы.

– Далеко собрался?

– До... мой, – бухающий кашель разбил слово пополам, но никак не повлиял на мои намерения валить. – Спасибо за все, Бутч.

– Возьми мою куртку. И лекарства.

– Хорошо.

Законопатившись в куртку, которая была мне велика на четыре размера, махнул рукой и отчалил на такси в клуб. Домой, в привычном понимании этого слова, я бы не поперся в любом случае. Тем более в таком состоянии. Видеть отца и его Ингеборгу не было ни малейшего желания. Хотелось просто отлежаться, а не слушать бесконечные нотации и ор.

Выйдя у служебного входа, долго хлопал себя по карманам в поисках ключей, пока не вспомнил, что выскочил в одной майке, а потом закрутилась эта канитель. И как полный дебил поперся долбиться в основные двери. То, что клуб официально начинал свою работу только вечером, не означало, что днём в нем никого нет. Несколько минут я пинал двери, сатанея от собственной тупости. Остановился прокашляться и едва не впечатал ботинком Дэну по ногам – он вовремя отскочил в сторону, предупреждая завопив: «Фил, бля!»

– Чего так долго? – спросил я, проталкивая его внутрь.

– Да я вообще мимо случайно проходил. А ты куда про-

пал? Мы уже в ментовку заяву писать собирались.

– Не дождетесь такого счастья, – расстегнул куртку и включил начальника, – Какого хера не бритый?

– Ты уже определись. То отращивай бороду, то брейся.

– Да? – я помотал башкой, вспоминая о своих указаниях на счёт бороды, но так ничего и не выковырял из памяти. – Короче, сбрей. И придумай что-нибудь пожрать.

– О`кей. – Дэн почесал подбородок и побрел в сторону кухни, что-то недовольно гундося под нос.

– Расслабились.

Поднявшись на второй этаж, привалился спиной к стене и зло выматерился – дыхалка приказала жить долго и счастливо, требуя хотя бы небольшого уважения к себе и соизмерения моих намерений и возможностей. Отдышавшись и прокашлявшись так, что едва не выплюнул лёгкие себе под ноги, медленно побрел выше, заглянул в студию и увидел Мистика в наушниках. Он что-то увлеченно крутил на пульте, мотая башкой в такт музыке, а на диване, свернувшись калачиком дрых Клейстер, прижав ладонью к груди блокнот. Хмыкнул. Подошёл и вывернув голову под таким углом, что ещё чуть-чуть и смогу превратиться в голубя, стал вчитываться в каракули Макса.

– Радио «Стрит», радио «Лаунж»...

– Сука! – испуганно вскрикнул Мистик за спиной и я дернулся, едва не свернув шею. – Ты че как призрак шарахаешься?

– А ты чего орёшь, как потерпевший? – помассировав шею, спросил я и кивнул на блокнот сопящего Клейстера, – Это что?

– Это, Фил, твой пропуск в радиоэфир! – Мистик довольно заулыбался. – Макс два дня обзванивал все местные радиостанции, и несколько сказали, что могут взять пару треков. Прикинь! Я тут выбрал штук пять, довел их до ума, ну чтобы вообще конфетка была. Короче, ты выбери с чего начнешь взрывать бошки, а дальше только вперёд! Чё там у нас по планам? Грэмми?

– Сперва отлежаться, – я снова задохался и отмахнулся в ответ на немой вопрос, – Простыл чутка. Мистик, ты тут сам определись с взрыванием бошек, о`кей? Реально не до этого сейчас. Хотя бы пару дней отлежусь, а потом перетрем что и как по плану. Если чё, звони.

– Фил, ты давай голос только не пролюби. Чаек, малинка, медок. Или что там обычно? Может сгонять за чем-нибудь?

– Да есть все, – потряхнул пакетом с ворохом таблеток и поперся к себе.

– Я тебе готовые скину в ВК. Заценишь, как в себя приедешь.

– О`кей.

Захлопнув за собой дверь, скинул куртку на вешалку, заглянул в пакет и чуть не тронулся башкой – одних только блистеров с колесами Бутч накупил столько, словно решил

полностью опустошить аптеку. А ещё склянки с микстурами... Почесав голову, вытащил мобильный и позвонил этому доктору-максималисту. Выслушал, что и когда нужно принимать, пообещал не бухать. По крайней мере до тех пор, пока не поправлюсь. Закинул в рот горсть таблеток и едва дополз до кровати. Сил раздеваться не было. Завернулся в одеяло и помолился, чтобы хотя бы один день мне не снилось ничего. И стоило только закрыть глаза, как темнота навалилась, заполняя собой все вокруг. Черная, холодная пустота без сновидений. Как я и просил.

Несколько дней я только и делал, что глотал колеса и спал. Спускался на первый этаж, набрать какой-нибудь еды, не требующей усилий на готовку, и возвращался обратно. Пару раз заглянул в студию, послушал треки, которые Мистик отправил на рассмотрение по радиостанциям, и проржался, когда Клейстер показал эскиз обложки для диска.

– Серьезно? Feel Feelings? – гоготал я, рассматривая фотографию вывески клуба, над которой Макс сфотошопил неоновое имя.

– А чё? По-моему, норм тема. И надо запечатлеть место, где ты начал. Плюс реклама клубешника. Ты ни хрена не понимаешь в пиаре.

– Окей. Пусть будет. Тем более это твоя зона ответственности, – откинувшись на спинку кресла, выудил из пачки сигарету, первую за последнее время, размял ее в пальцах и никак не мог понять – хочу курить или нет.

Пацаны как-то притихли, видимо решив, что я сейчас обдумываю дальнейшую стратегию. Щёлкнув зажигалкой, посмотрел на пляшущий огонек, сунул сигарету в зубы и затянулся. От первой затяжки голову повело, а в горле запершило. Мистик тут же протянул мне бутылку с водой, и я кивнул.

– Спасибо, – глотнул теплой минералки и скривился, – Как ты ее пьешь?

– Мне норм. Я, когда тут вожусь, вообще мало соображаю что и как. Вода и вода, – Мистик покрутился на своем кресле, посмотрел на микрофон за стеклом, явно не решаясь спросить о главном.

– Точно не сегодня, братка. Сам слышишь, что сиплю, – я затушил сигарету, так и не докурив ее до конца. – Посмотрим, что на радио скажут, а там уже видно будет.

– О`кей. Может посмотрим, как народ отреагирует? Я бы поставил что-нибудь из твоего сегодня, если ты не против.

– Валяй. Только никому не сливай, где я. А то ещё припрутся и двери начнут жечь.

Шуточка не зашла. Мистик с Клейстером только удивлённо вылупились на меня.

– Ладно, делайте, что считаете нужным. Я на ноги встану и тогда будем чувствовать чувства. Макс, ну ты, конечно, вообще...

Клейстер дернулся что-то объяснить, но потом решил, что с меня спрос маленький. Махнул рукой и свернул пробку у полторашки «Колы».

– А где вискарь? – удивился я.

– Первый гонорар получишь, тогда бухну. А пока так, – ухмыльнулся он. Громко рыгнул и на полном серьезе выдал, – С бухими дело никто иметь не хочет. Поэтому, временно в завязке.

– Ты так в этом уверен? Про гонорар.

– Фил, я послушал, что молодняк в тачках крутит, и поверь мне, если уж то дерьмо как-то продается, то твое точно купят.

– Тоже дерьмо? – заржал я.

– Да пошел ты! – психанул Макс. – Я про то, что твое на порядок выше, а ты...

– Ладно, я все понял. Звезда и прочая херотня, да?

– Башку себе подлечи лучше.

– А по ребрам?

– Вон туда.

Клейстер с довольной рожей ткнул пальцем в сторону микрофона.

– Уел. Красавчег, – я поднялся, похлопал обоих по спинам и пошел прогуляться по клубу, чтобы своим присутствием напомнить, что босс не дремлет.

Пройдясь по залу караоке и бильярдной, довольно хмыкнул, спустился ниже, посмотрел на электрика, меняющего лампы в стробоскопах, и, не найдя до чего докопаться, пошел на первый этаж. Проверил чистоту барной стойки, потрещал с Дэном, бросил ему, чтобы отращивал бороду, вы-

слушал матерную тираду и только потом загоготал. Повелся, как малолетка. Заглянул на кухню и впервые поел горячего супа, приготовленного специально для меня. Повариха старалась ничем не выдать свою озабоченность моим состоянием, а я решил сделать вид, что не замечаю ее взгляды. Поблагодарил и пошел к себе. Уже почти свернул к лестнице, когда услышал, что меня зовёт охранник:

– Фил, тут тебя просят.

– Пусть идут на хрен. Клуб закрыт.

– Фил, так она уже третий день приходит за тебя спрашивает.

– Да? – удивился я. – Симпотная?

– Ну да. Ты же с ней вроде как уехал, когда девчонке кислотой плеснули.

Я медленно пошел к дверям, бросил взгляд в зеркало и охренел – зомби и те выглядят лучше. Кивнул охраннику, чтобы скрылся, и открыл дверь. На крыльце, постукивая ногой о ногу стояла она. Покрасневшая кнопка носа и эта улыбка, когда увидела меня.

– Привет.

– П-п-п-р-р-и-в-в-е-т-т, – отбивая зубами дробь ответила она.

– Давай, заходи, хрен-ли мёрзнуть.

Она пожала плечами и спросила:

– А т-т-е-б-бя не у-в-в-во-лят-т?

Я не удержался и засмеялся, втягивая ее за руку внутрь:

– Как уволят, так и обратно примут. Без меня тут никак.

5. Маргарита

Я пинала себя за то, что пошла и стала спрашивать у охранника про официанта. Чувствовала себя какой-то полной дурой, пока он рассматривал меня, словно оценивал, стоит ли вообще мне отвечать.

– Его нет.

– Извините, а может вы знаете, его уволили или просто сегодня нет? – спросила я и тут же отвесила себе подзатыльник.

«Господи, да какое дело охраннику до этого!»

А сама выдохнула с облегчением, услышав, что нет, не уволили. Амбал ещё ухмыльнулся, и я окончательно почувствовала себя дурой. Приперлась, спрашиваю, ещё и Ромка рядом маячит, поторапливая.

– Спасибо.

Развернулась и поскакала к брату.

– Ну?

– Вроде говорит, что не уволили.

– А я что тебе говорил? Приехал, объяснил, что Лису в больницу отвозил...

– И потом всю ночь там просидел, чтобы убедиться, что с ней все в порядке?

– Ну да.

Ромка шмыгнул носом и завертел головой в поисках бли-

жайшей остановки. Увидел приближающуюся маршрутку и понёсся сайгаком к грибку с табличкой, крикнув:

– Наша!

Я демонстративно никуда не побежала. Подняла руку и, когда «Газелька» остановилась рядом со мной, окрикнула братика. Показала ему язык и залезла внутрь занимать ему место.

– Олень, – хихикнула я, доставая кошелек.

– Малявка, – Ромка плюхнулся рядом и набылчился.

– Передайте на два, пожалуйста.

Второй раз я пошла одна. Ромка с Пашкой как раз свинтили за какими-то крылом для развалюхи брата на разборку, а мне позарез захотелось узнать, что этого парня не уволили. Лично от него. Где-то глубоко внутри поселилась мысль, что если его уволили, то это из-за меня. Без логики, без объяснений. И пусть он сам мне нахамил, а я написала в жалобной книге тираду, что таких нужно держать подальше от людей, пришедших в день рождения в клуб приятно провести время, а не выслушивать грубости от официанта. Он же извинился? Даже розу купил. А сколько получают официанты? И сколько могут стоит цветы в клубе? Да и за жалобу его любому ещё и премии лишат. Или у них там вообще премии нет? И снова все свелось к тому, что парня уволили по моей вине.

Приехала, спросила. «Его нет. Нет, не уволили. Может

завтра появится.» Блин, да как так-то? У него свободный график что-ли? Потопталась, дожидаясь автобуса, и поехала к Ксюхе – Ярослав Всеволодович пообещал, что вечером заедет и отвезёт нас проведать Лису.

И сегодня. С утра проснулась в полной уверенности, что нужно сходить. Два дня не ходила, а тут, как молоточком по затылку – иди, иди, иди. Высидела пары, наврала Ромке, что хочу заехать в «Атриум» за красками, а сама, стоило только братику свернуть за угол корпуса, понеслась на остановку, перепрыгивая сугробы, и поехала в «Feelings». На трамвае. Пока доехала, замёрзла так, что зуб на зуб не попадал, и потом ещё ждала, когда выйдет охранник, снова помотает головой в ответ на вопрос, обернется, высматривая что-то внутри здания, и бросит: «Погоди минутку.»

– П-по-г-г-го-д-д-дю...

Я немного попрыгала, чтобы хоть как-то согреть в конце замёрзшие ноги, вспомнила, как в детстве мама говорила, что нужно постучать ногой о ногу, чтобы так разогнать кровь в пальцах. Попробовала. И пяткой о пятку, и носком о пятку, и даже носком о носок. Ноль. Только чуть не грохнулась, поскользнувшись. А когда за спиной открылась дверь, обернулась.

– Привет.

– П-п-п-р-р-и-в-в-е-т-т.

– Давай, заходи, хрен-ли мёрзнуть.

– А т-т-е-б-бя не у-в-в-во-лят-т?

– Как уволят, так и обратно примут. Без меня тут никак.

Чуть-ли не силой втянул меня в клуб, смеясь так, словно никто ему не скажет слова поперек. Протащил в зал, кивнул в сторону диванчика: «Садись» и ушел.

«Вот и поговорила.»

Мимо прошел какой-то парень, покосился и, не сказав ни слова, пошел дальше. А я окончательно растерялась. И так не знала, что говорить, а теперь вообще. При всем желании ничего не скажешь – некому.

– Ботинки снимай! – он возникает за спиной слишком неожиданно, опускает на пол какую-то кастрюлю, и пока я хоть как-то пытаюсь сообразить, что происходит, опускается на корточки и расстёгивает молнию на сапоге. – Блядь, не тупи!

– Ой! – взвизгиваю, ощутив, что сапога больше нет, а парень уже стягивает носок и закатывает джинсину выше, к колену. – Ты что делаешь?

– Помолчи!

– Да ты! Какого... Мама!

Пальцы словно пронзило миллиардом иголок, я дёргаю ногой, но он сильно нажимает на колено, воюя с заевшей молнией на левом сапоге:

– Да сиди ты спокойно!

И через мгновение во вторую ногу впивается ещё один миллиард игл.

– Совсем шибанутая в таком по холоду шастать?

– У-у-у-у...

– Терпи! Чего пришла?

Я оторопело поднимаю глаза и не нахожу ничего лучше, как спросить:

– Тебя уволили?

– А тебе какая разница?

– Если спрашиваю, значит есть.

– Ну, допустим, нет. Что дальше? – он достает из кармана пачку сигарет, придвигает к себе пепельницу и кашляет в кулак.

Только сейчас я замечаю, как сильно он осунулся, а щетина маскирует впавшие щеки.

– Ты простыл?

– Твое какое дело? – смотрит волком, поворачивается и громко кричит куда-то в сторону, – Дэн, долго ждать?

– Да пошел ты! Нашел тоже мальчика на побегушках! – парень, косившийся на меня несколько минут назад, грохает на стол электрический чайник, пару кружек и пачку заварки. – Что ещё изволите?

«Что тут вообще происходит?»

– Свали в туман. И далеко не отходи.

– Пойду тогда побреюсь, – парень скалится, а в ответ ему разгибается средний палец.

«Э-э-э... допустим.»

Разлив кипяток по кружкам, Фил бросает в них по паке-

тику и одну придвигает ко мне, а остатки выливает в кастрюлю.

– Пей.

Испугано кивнув, стягиваю рукавички и обхватываю горячую кружку. Пальцы на руках медленно обволакивает приятное тепло, а нос начинает щипать от запаха табачного дыма – он все таки решил закурить.

– Пей, – снова командует Фил, кивая на кружку. Выпускает дым носом, жадно затягивается и почему-то скачет взглядом то на мои губы, то на кончик носа, то на пальцы, обнимающие кружку.

– Знаешь, – медленно произношу я, – Плохая была идея. Спасибо, конечно, но я пойду.

– Сидеть!

– Да ты... да я...

– Дерьмовая идея? Я бы поверил, услышав это, приди ты в первый раз, но сегодня третий. Слушаю. Чем обязан такой настойчивости? Хотя... – он встаёт, быстро подходит к барной стойке и, перегнувшись, достает что-то, а потом возвращается. Кладет на стол жалобную книгу, ручку и мою розочку, скрученную из салфетки. – Если пришла убедиться, что тебя слышали, то можешь прочитать и убедиться лично. Резолюцию о наказании хамла, которого нельзя допускать к людям, начальство написало. Хамло наказали, и оно впредь обязуется больше так себя не вести. Ну и сворованную розу, как видишь, я возвращаю.

Выпалив все на одном дыхании, он достает новую сигарету и с довольной рожей начинает щёлкать зажигалкой.

«Скотина! Я тут... а он!»

Притянув к себе кожаную папочку, быстро нахожу стоймость бутылки вина и виски с колой, достаю из сумочки кошелек и начинаю отсчитывать деньги.

«Гадина! Говнюк! Говорил Ромка... А я, как дура набитая, поперлась. Ещё и волновалась. Да чтоб тебя!!! Тысяча сто...»

– Кажется ты забыла, что я сказал, – зло цедит он, и я запинаюсь. – Заказ был за счёт заведения.

– Мне такая щедрость вот здесь! – проведя ребром ладони по горлу, бросаю деньги на стол ему под нос и, выдернув ногу из кастрюли с горячей водой, начинаю вытирать салфетками.

– Как подруга?

– Какое тебе дело?

– Если спрашиваю, значит есть.

– Нормально! Хотела сказать тебе спасибо, но теперь передумала!

– Я рад.

– Рад, что передумала? Поверь, я тоже этому очень рада!

– Рад, что у нее все нормально, – он тушит окурочок о край пепельницы, смотрит на меня так, словно я бомба, готовая рвануть прямо сейчас.

И, да, сейчас я рвану так, что мало не покажется!

– У тебя пальцы замёрзли. Опусти ногу обратно. Отогре-

ешься, а потом я вызову такси.

– Обойдусь.

– Ещё раз так ответишь...

– И что? Ну? Что ты сделаешь?

– Стас!

– Да.

– Закрой все двери в клубе. И пока я не скажу, чтобы ни одна не открылась!

– О`кей.

– Сделаю так, что ты, один хрен, сперва отогреешься, – Фил откидывается на спинку диванчика.

– Я сломаю дверь.

– Ломай, – ухмыляется он. – Топор или ломик выдать?

– Обойдусь без помощи!

– Очень в этом сомневаюсь. Стас!

– Да.

– У нас на двери сертификат есть?

– Ну да.

– Там совершенно случайно не написано сколько времени потребуется девушке на то, чтобы ее сломать голыми руками?

Из глубины зала донёсся смех:

– Фил, ты сегодня мочишь! – Стас снова загоготал, а парень абсолютно расслабленно устроился поудобнее и сделал приглашающий жест рукой:

– Прошу. Любая дверь полностью в вашем распоряжении.

– Урод! – прошипела я, выудила из сумочки телефон и посмотрела ему в глаза. – Вызываю полицию?

– Вызывай. У меня полно свидетелей, что я предложил тебе помощь.

– И закрыл все двери!

– Ну так и клуб открывается только через несколько часов. Имею полное право. Даже больше. Обязан. Ногу опусти обратно и пей чай. Никто тебя насильно держать не будет. Отогреешься и я вызову такси.

Он снова забухал кашлем, вытащил из кармана несколько блистеров с таблетками и начал выдавливать их в ладонь.

«Парацетамол», «Ибупрофен», «Аспирин» – прочитала я названия.

– Зачем тебе столько жаропонижающих?

– А?

– Нельзя пить столько жаропонижающих одновременно.

– Ты только что собиралась вызывать полицию, а сейчас решила заботиться о моем здоровье? Может уже как-нибудь определишься?

– Да делай ты, что хочешь! – я со злостью посмотрела, как Фил выдавливает ещё несколько таблеток в ладонь и не выдержала, – Да ты хуже маленького ребенка!!!

Перегнувшись через стол, прислонила ладонь к его лбу и чуть не выоралась от злости. Ну вот, что за человек? Глокает все подряд, когда температура нормальная! Отобрала таблетки из ладони и выбросила их в пепельницу. Нашла среди

блистеров «Мукалтин» и протянула ему.

– Две таблетки перед едой. Максимум.

– Ты врач?

– Нет. У меня есть брат, который тоже в любой ситуации начинает жрать все, что под руку попадет. Даже если не хочешь, начнёшь разбираться. Пей.

Фил выковырял две таблетки, запил чаем и мягко произнес:

– Забота за заботу. Ногу верни в кастрюлю.

– Да, пожалуйста.

Вернув стопу в тепло, откинулась и, скрестив руки на груди, уставилась на фонарик, стоящий на соседнем столике.

– От тебя приятно пахнет. Что это? – спросил Фил.

– Что?

– Я говорю, что от тебя приятно пахнет. Не могу понять, что это. Слишком лёгкий запах.

– Лаванда.

– Прикольно. Интересно, если купить стиральный порошок с запахом лаванды, постельное также пахнуть будет?

– Нет. От порошка он другой. Более резкий. И, вообще, при чем тут порошок? – я повернулась к нему, а он улыбнулся:

– Ну... Мы, оказывается, можем нормально говорить.

– Слушай, ты...

– Тихо! – Фил прислушался, подняв указательный палец вверх, и я замолчала, наострив уши. – Слышишь?

– Что?

– Как ускользает момент.

– Дебил!

– Говоришь, как Бутч.

– Ну значит тех, кто в этом не сомневается, уже двое.

– И все же. Зачем ты пришла? Только давай без оскорблений.

– Не я это начала!

– А я это предлагаю закончить!

– Я думала, что тебя уволят за то, что ты... за то, что я...

Короче, за жалобу. И за то, что ты уехал с работы, никого не предупредив, а потом просидел с нами.

– Как видишь, нет.

– Я рада.

– Не особо. Попробуем с начала? – он протянул мне ру-

ку, – Привет, меня зовут Фил. И я не официант. Это мой клуб.

Я несколько минут молчала, взвешивая в голове все за и против, а он все это время так и держал ладонь над столом. Внимательно наблюдал за мной, но больше за моими губами, перескакивая на них буквально каждую секунду.

– Маргарита, – ответила я. Осторожно протянула свою ладонь, ожидая какого-нибудь очередного подвоха или колкости, но его пальцы буквально на мгновение сжали мои и выпустили.

– Как ноги?

– Почти согрелись.

– Оставишь мне номер своего телефона?

Вот так просто. В лоб. Без заходов издалека.

– А ты собрался позвонить?

– А ты против?

– Ты не ответил.

– Ты тоже.

– А если не оставляю? Не откроешь двери?

– Тогда ты вызовешь полицию, – он вытащил одну салфетку, взял ручку, быстро написал ряд цифр и прикрыл рукой. – Обмен?

Я улыбнулась этой непонятной глупости, но тоже взяла салфетку и написала на ней свой номер телефона.

– На счёт три? – спросил Фил.

– Давай.

– Раз. Два. Три.

Мы сдвинули салфетки, и я рассмеялась. Уровень глупости происходящего вышел на новую высоту, но она мне почему-то казалась уместной. Именно сейчас. Именно тут. С ногами в кастрюле и салфетками на столе.

– Ты учишься или работаешь? – спросил Фил, убирая бумажку в карман.

– Учусь. А ты?

– Вроде как работаю, но это не точно.

– Это как?

– Долгая история. Я не успею рассказать.

– А ты начни.

– Может быть тогда ещё чаю? Или чего-нибудь другого?

– Чаю. И полотенце. Вытирать ноги салфетками неудобно.

– Сейчас, – он повернул голову в сторону барной стойки и только открыл рот, как по залу раздался громкий топот.

Фил дернулся обратно, и к нам подлетело двое парней. Один рванул к сцене, а второй, задыхаясь, заорал:

– Фил! Ты! Фил!

– Что?

– Мистик, давай!

– Уже! – раздалось со сцены. Колонки щелкнули и по залу понесся речитатив.

И каждый мой вдох для кого-то признание,

Каждая рифма, как плеть наказания.

Если ты хочешь, дыши моим стилем,

Правда жестока, как зелёная миля.

Громче колонки, качают биты.

Есть голос улиц, где я и где ты...

– Фил, ты на радио! На радио, чувак! – заорал парень, стоящий рядом со столиком, а тот, что на сцене уже качал рукой и повторял вслед за музыкой:

Я – голос улиц, ты – голос улиц,

Без лишних понтов и покрашенных куриц.

Качает девятки, «Ролсы» и «Бентли»
Парень пропитанный черным пигментом.
Подняты руки, трек для элиты.
Граффити на стенах – тотемы защиты.
Улицы вместе, мы бьем без пощады!
Фил, Мистик и Клейстер – солдаты триады.

И если парни чуть ли не вопят в голос от восторга, то он никак не реагирует на новость о том, что его песню крутят на радио. Я даже не понимаю, как такое возможно. Ведь это то, о чем мечтают. Или нет? Фил медленно поднимается, идёт к сцене и музыка обрывается так же резко, как и начала звучать. И бухающий кашель раздается в тишине, словно пережат грома. Парень на сцене, застыв истуканом, смотрит сперва на Фила, а потом переводит взгляд на другого, стоящего рядом со мной:

– Макс? Мы что-то не то сделали? – спрашивает он. И в голосе столько неподдельного удивления, что я поворачиваю голову к этому Максу и тоже жду ответа.

– Э-э-э... Вроде нет, – смотрит на Фила, переключается на меня и, облокотившись на спинку диванчика, елеинно произносит, – А кто это у нас тут такая цыпа?

Я вздрагиваю. Не от вопроса, а от ледяного рыка:

– Завали хлебальник, если хочешь, чтобы зубы остались на месте!

– Все-все-все! Понял, не дурак, – парень делает шаг назад и поднимает руки, сразу же признавая поражение. – Пс-с-с... Пс-с-с, девушка, – шепчет он, – Могу предложить первый диск восходящей звёзды практически даром.

– Я сказал заглохни!

– Я просто хотел узнать, как ее зовут, Фил. Никаких лишних телодвижений, – Макс улыбается, покачивая диском, зажатым между пальцев, – О'кей? Братка, все норм? Можно? Я сейчас медленно отдам диск... О'кей? – пластиковая коробочка, осторожно переходит из одной руки парня в другую. Так, будто это не диск, а плакающая последними секундами обратного отсчета, бомба, – Вот так... Никаких глупостей я делать не буду... Просто отдам диск... О'кей? Ты же хотел мнение со стороны? Пусть девочка послушает, да? Я сейчас отдам ей диск и уйду, а ты успокоишься. Все ништяк, братка... Никаких резких движений... Вот так...

Фил взглядом затравленного волка провожает коробочку, зависшую в нескольких сантиметрах от моей руки. По его щекам пробегает нервная судорога, костяшки на стиснутых кулаках побелели от напряжения, которое вот-вот вырвется наружу. Если этот Макс сделает что-то не то. Если он совершит хотя бы малейшую ошибку. И мне становится страшно. Я никак не могу решиться – брать диск или лучше не стоит. А в голове, как назло, прошлись пылесосом до состояния сферического вакуума, и ещё этот, леденящий душу, взгляд. Слишком непонятна такая резкая смена настроения, слишком пугающе повисает тишина, в эпицентре которой оказываюсь я и коробочка с диском. Фил, перескакивает взглядом, когда моя рука осторожно начинает подниматься. Подушечки пальцев обжигает похлеще кислоты, и я замираю, едва дотронувшись до пластика. Отдергиваю руку, но Макс чуть

разжимает свою ладонь, и коробочка, повернувшись, уголком ткнулась в мою.

– Мама... – зажмурившись, пискнула я, ожидая, что сейчас разразится полнейший кошмар.

«Господи, зачем я вообще сюда пришла?»

Но в тишине зала гулко раздается бухающий кашель, а сбоку выдох облегчения.

– Мистик, принесешь полотенце и вызовешь такси. Скажешь, чтобы отвезли туда, куда попросит, и расплатишься. Стас, двери, – грубо, жестко, без намека на просьбу.

И это была не просьба. Скорее приказ, который не стоит обсуждать и нельзя проигнорировать без угрозы для жизни.

Меня зацепило лишь краем потока воздуха, когда Фил прошел мимо. Но даже этого хватило, чтобы я скукожилась от острых колючек слепой животной ярости, впивающихся своими иглами во все, до чего они только могли дотянуться. Никаких «пока» и «до свидания». Лишь леденящий холод и непонятное ощущение звенящей пустоты внутри, высасывающей все эмоции. Превращающей все в пыль.

– Э-э-э... – решился подать голос парень на сцене, спустя пару минут, после того, как Фил ушел. – Макс, ты это проверь – она там живая?

Я кивнула, с опаской открывая глаза.

– Мистик, а это чё за хрень сейчас была? Вроде же все норм было?

– На кой ты со своими подкатами тут начал его злить?

Совсем тормоз?

– Я? Ты уверен, что это с меня началось? Крайнего нашел? Кто тут на полную радио врубил?

Парни, не стесняясь в выражениях, стали выяснять, кто из них виноват, абсолютно не обращая внимания на меня. А я была этому только рада. Сейчас быстренько оденусь и смоюсь подальше отсюда. Пока никто на меня не смотрит. Вот только сбежать незамеченной у меня не получилось. Стоило только подняться, как Мистик (вроде так его все называли) прыгнул со сцены, а Макс в два шага перегородил мне дорогу:

– Не-не-не. погоди! Ты сейчас сбежишь, а Фил потом с нас три шкуры спустит, – замотал он головой. – Мы тут и так накосячили, хрен знает в чем... Сейчас, ты только не убегай! – вытащил из кармана мобильник и, прислонив его к уху, быстро протараторил адрес клуба, кивнул и выдохнул. – Сказали, что через две минуты приедет машинка.

– Я сама как-нибудь, – заартачилась я, мечтая как можно быстрее оказаться снаружи.

– Не-не-не! Подумай о нас! Нам-то потом куда сваливать? Парень выглядел настолько растерянным, что я недолго думая согласилась подождать такси. Две минуты меня не убьют, а вот Макс даже улыбнулся, услышав:

– Хорошо. Только две минуты.

– Фух, блин... – выдохнул он, не скрывая облегчения, – Хоть кто-то адекватный сегодня... Фил же вообще краев

не видит. То молчит часами, уставившись в одну точку, то психовать начинает с пустого места, как сейчас. У него в башке хрен знает, что творится. И ты, это, не подумай ничего. Я ж реально только имя узнать хотел. Кто ж знал, что Фил так пробесится? – парень шумно втянул воздух, беря передышку, а потом представился. – Макс. Ну или Клейстер. Этот задохлик – Мистик. Мстислав, если так проще.

– Маргарита, – кивнула я, отметив, что задохликом Мистик-Мстислав точно не является.

– Ну чё, выкусил? – заулыбался он и протянул мне диск. – Ты это... На столе забыла.

– А может не стоит?

– Ну, как хочешь, конечно. Мы не гордые, навязывать не станем, – Мистик присмотрелся ко мне внимательнее, а потом мотнул головой, – Стопэ. А это не ты тогда была, когда Фил фристайлил? Типа, ангел Рита, бла-бла-бла?

– Я.

– Ы! То-то у меня в башке щелкнуло, что лицо знакомое. Макс, это перед ней Фил извинялся, прикинь?

– Э-э-э...

– Не. Реально она! – Мистик хлопнул себя по бедрам, едва не выронив диск, и снова протянул его мне. – Не, ты возьми! Теперь, по-любой, возьми! Тут, конечно, не идеал по звуку, но я, как знал, ту телегу записал! Ну, память же.

– Спасибо.

Я убрала коробочку в сумку и посмотрела на двери,

а Клейстер-Макс выглянул наружу и закивал:

– Тачка приехала. Мистик, денег дай, цы... э-э-э... Маргарите.

– Не надо, – отказалась я.

– Э-э-э! Мы, вроде, только договорились, а ты нас решила прокинуть? Не-не-не! Фил по любой узнает, и нам тогда точно венки заказывать можно будет. Не парься, не последнее отдаем же.

– Ну-у-у... Ну ладно.

– Во! Другой разговор! – Макс распахнул двери, и они вдвоем с Мстиславом проводили меня до такси.

– Командир, отвезешь девушку туда, куда скажет. О'кей? – Мистик вытащил из кармана, сложенную в несколько раз, купюру и протянул ее водителю. – Только не лихачь там. Считай, что сдача – это компенсация за доставку в целости и сохранности.

– Любой каприз за ваши деньги, – ухмыльнулся мужчина в ответ, забирая деньги.

– Ну, типа тогда бывай! – Мистик с Клейстером по очереди похлопали меня по спине, и я глупо улыбаясь повторила этот ритуал.

– Пока.

Махнула рукой, села в машину и назвала адрес, закрывая за собой дверь. А парни зубоскалили и что-то обсуждали между собой, пихая друг друга в плечо. И они казались на фоне Фила чуть ли не ангелами. Если отбросить их мане-

ру разговаривать и эти похлопывания.

Приехав домой, я долго не могла решиться включить и послушать диск. Подходила к музыкальному центру, набиралась смелости, нажимала кнопку «Play», а потом тут же ставила на паузу. Реакция Фила даже на расстоянии стопорила и вгоняла в непонятное состояние. И сколько бы я не пыталась охарактеризовать его, никак не могла найти верное определение. Но чем дольше нарезала круги по комнате, тем ярче понимала, что пока не послушаю, точно закопаюсь в дебрях. Выдохнула, сходила на кухню и, вернувшись с кружкой чая в руках, решительно нажала кнопку.

В рэпе, если честно, я не понимала ничего. Вообще. Эта часть музыки всегда оставалась для меня уделом брата в четырнадцать лет. И какая-то часть слов звучала чем-то вроде химических названий сложных полипептидов для простого человека, никак не связанного с химией. Есть и есть, а что значит – не понятно. Но больше всего меня поразило то, как Фил жил тем, о чем пел (или читал?). Каждую строку, словно частичку своей жизни, он вплетал в музыку, нанизывал бузинками на ритм так, что я дослушала диск до конца на одном дыхании, улыбалась на последнем трэке под названием «Ангел Рита», а потом включила снова. И снова. И снова. А в какой-то момент я перестала вникать в слова, прислушиваясь к тому, как голос Фила отзывается внутри. Он проникал в глубь сознания, цепляя какие-то тонкие струны, собирая картинку из разрозненных нервов в одно целое. Важно

было не то, что он говорил, важно было – как он это делает. Я закрыла глаза и осторожно попробовала повторить – слова уже плотно поселились внутри головы. Постоянно сбиваясь с ритма, задыхаясь там, где он выдавал куплет на одном дыхании, я никак не могла отделаться от мысли, что все эти песни – его ответ миру, который объявил ему войну. А когда услышала строку: «В этой войне я на той стороне, что навсегда будет скрыта во мне» только сильнее в ней убедилась. Взяла телефон, достала из сумки салфетку с его номером и написала сообщение.

«Это **ОЧЕНЬ** сильно.»

Стёрла, поражаясь тому, как глупо оно прозвучит. И долго думала, стоит ли писать то, что на самом деле хотелось. Набрала всего одно предложение и нажала кнопку «Отправить».

Хороших девочек всегда тянет к плохим мальчикам. Была ли я хорошей? Наверное, да. Был ли он плохим? Однозначно.

Фил не ответил. Ни вечером, ни с утра, ни через день, ни через неделю. Так, словно я отправила сообщение в пустоту, а оно ещё взяло и потерялось на полпути. Сперва думала, что он просто обиделся на то, что я взяла диск. Но мог ведь запретить его брать? Мог? Мог, но не стал. Вряд ли дело было в том, что Фил не хотел, чтобы его песни слышали – радио явно худший вариант для сохранения собственного творчества в тайне. И то, что через несколько дней на перемене между парами я услышала кусочек одного из его треков, поставленного на рингтон, уже было констатацией простого, как дважды два, факта – Фил ворвался в головы и захватил их с такой же лёгкостью, с которой проигнорировал мое сообщение. А потом наступило это самое потом. Обиделась уже я. На все и сразу. И на хамство, и на грубость, и на номер телефона на салфетке, и даже на то, что прочитал сообщение, но так на него и не ответил, когда я ждала. Ждала? Делала вид, что нет, а сама все равно лезла в телефон и проверяла – вдруг это простая случайность или совпадение, и именно на его ответ уведомление не пикинуло самым противным звуком, какой только можно было найти

в стандартных. Да, я поставила такой звук. Чтобы не пропустить. Ведь хороших девочек всегда тянет к плохим мальчикам, да? А плохие мальчики просто не знают, как ждут ответа хорошие девочки.

Ромка сразу заметил мое состояние – близнецы всегда чувствуют друг друга острее, чем кто-либо другой. Мягко выпрашивал все ли у меня в порядке, кивал, когда я обманывала и его, и себя. А сегодня притащил из магазина полный пакет мороженого и уселся рядом со мной на кровати. Поставил перед ней табуретку, водрузил на нее ноутбук и несколько часов смотрел со мной самые сопливые фильмы, какие только смог найти. Я хлюпала носом, привалившись к плечу брата, а он терпеливо страдал, гоняя ложкой по донышку ведёрка растаявшие остатки мороженого и подсовывая мне бумажные полотенца.

– Знаешь на кого ты похоже, мелкая? – спросил он, когда я закрыла крышку ноутбука.

– Ну?

– На панду, – Ромка зачерпнул немного жижи ложкой, но есть ее так и не решился. – Моська опухшая, а под глазами пятна.

– Ну и что.

– Ну да... Может ещё чего посмотрим?

– Не хочу больше.

– А чего хочу?

Я пожала плечами и посмотрела на свой мобильник, ле-

жащий на краешке стола.

– Хочешь, я ему морду набью?

– А смысл?

– А в чем смысл сидеть и реветь? Мало козлов что-ли?

– Много, – согласилась я. – Даже знаю, кто у них за главного.

Ромка хмыкнул, сграбастал меня своими ручищами и вздохнул:

– Вот объясни мне, что вас так к ним тянет? Прямо, как медом намазано. И ведь, чем хуже, тем сильнее. Где логика, а?

– Я не знаю, – пожала плечами я. Поджала ноги и стала дергать край растянутой футболки.

Нашла ведь самую убогую, уже давно застиранную, с почти полностью стертым рисунком, но каким-то чудом сохранившейся надписью «Feel me». Я его почувствовала, а он меня нет.

– Просто мне не везёт. Вот ты даже родился на полчаса раньше. Чем не везение?

– Дурында! – Ромка смеётся и, взъерошив мои волосы до состояния взрыва на макаронной фабрике, вздыхает. – Я, можно сказать, целых тридцать минут обстановку разведывал. Мало ли чего там снаружи. И, да, про везение – мне по жопе первому влупили! Охренительное везение.

– Так это как посмотреть! – я обхватила колени и, уперевшись подбородком в правое, посмотрела в окно. – Твоей жопе внимание раньше уделили.

– Будешь дальше переворачивать мои слова – уделю столько внимания твоей заднице, что мало не покажется! – Ромка, свернув меня буквой зю, легонько шлёпает ладонью по обозначенному месту. – Все. Харэ киснуть.

– Угу.

– Короче, я сейчас на кухню, а ты умываться! Мама торт зря оставила что-ли?

– Угу.

И хотя идти никуда не хотелось, я поплелась в ванную, открыла воду и посмотрела на свою опухшую моську в зеркале. Грустно улыбнувшись – точно, панда, – стала смывать остатки черных разводов под глазами. Коротко звякнул дверной звонок, мимо протопал Ромка, бурчащий, что лично засунет ботинок в задницу шутникам, а потом, через секунду, кто-то сдавленно то ли хэкнул, то ли выдохнул слишком резко.

«Ботинок нашел свое пристанище,» – грустно улыбнулась я, выглянула в коридор и рванула к распахнутым дверям.

– Стой! – крикнула, повиснув на, занесенной для удара, руке брата, одновременно закрывая от него едва стоящего на ногах Фила, – Рома!

– Мудила! – прошипел Ромка, стряхивая меня с руки, – Какого хрена приперся?

Фил криво ухмыльнулся, размазывая ладонью кровь, сочащуюся из разбитой губы, покачнулся и посмотрел на меня.

– Чет я запарил, что у тебя есть брат, – еле ворочая языком, произнес он и вытер ладонь о джинсы.

– Сейчас напомним ещё раз! – Ромка резко шагнул вперёд, но я заорала так, что они оба вздрогнули.

– Хватит! Не трогай!

– Бутч был прав. Ты ангел.

Прошептал Фил и медленно съехал по стене на пол.

– Ты что с ним сделал? Фил! Фил! Фил! – я склонилась над ним, не чувствуя резкий запаха алкоголя, хлопала по щекам, трясла, но парень не издал ни звука. Обернувшись, зло посмотрела на брата и стала дергать Фила за руку, чтобы поднять.

– Да отойди ты! Ещё не хватало так над ним трястись, – подхватив бесчувственное тело, как мешок картошки, Ромка посмотрел на меня, покачал головой и спросил, – И куда это упитое говно девать?

Я огляделась, и, не найдя ничего лучшего, поскакала к своей комнате. Сдвинула табуретку с ноутбуком в сторону, откинула край одеяла, а братик уже сопел за спиной.

– Тяжёлый, зараза.

– Клади!

– Сдался он тебе.

– Клади, говорю!

– Как скажешь. Но я бы послал его к чертям подальше.

Бросил парня на постель так, что тот едва не ударился затылком о край спинки, стянул с него ботинки и стал помогать мне его раздевать.

– Долбоёщер... – зло выдал Ромка, сдергивая джинсы. –

Если он тут все ублюет, клянусь – заставлю его своими же шмотками убирать!

– Рома!

– А что?

– Принеси воду и бинт лучше. Сама справлюсь! – я расстегнула молнию на куртке, но, сколько бы не дергала, никак не могла вытащить руку из рукава.

– Отойди, мелкая. Иди сама за своей водой. Ангел спасения, блин.

– Пообещай, что ничего с ним не сделаешь!

– Да ему уже больше ничего и не надо, – Ромка перевернул Филя, стянул куртку, а затем толстовку. Обернулся, – Ну и чего стоишь? Не трону я его.

Я побежала в ванную, наполнила тазик холодной водой и осторожно, чтобы не расплескать, пошла обратно, захватив из аптечки перекись и новую упаковку бинтов. К моменту моего возвращения в комнату, брат уже закончил раздевать Филя и теперь собирал вещи, которые сам же раскидал, с пола.

– Закинь джинсы в стиралку, – сказала я и потом добавила, – Пожалуйста, Ром.

– Рома то, Рома сё... Вот вы... Да ну тебя, – он махнул рукой и вышел, прекрасно понимая, что сейчас я быстрее начну злиться на него, а не на Филя.

Только сейчас мне в нос ударил сильный запах алкоголя. Осторожно вытирая кровь с лица влажным куском бинта, я

разревелась. От обиды, что Фил мне не позвонил, не написал, вообще никак не отреагировал на мое сообщение, а я, как дура, простила его сразу. Стоило только увидеть. Простила только за то, что он пришел. Пьяный, небритый, но все таки пришел.

– Лаванда... – тихо прошептал Фил, не открывая глаз. Улыбнулся, а из разбитой губы снова начала выступать кровь. – Ангел... это не твоя война. Не твоя. Я сам.

Я всхлипнула и кивнула. Пусть он не ответил тогда, сразу же, но ответил сейчас.

– Спи.

Он не был красивым. Обычный, ничем не выделяющийся. Но я сидела на краю кровати, рассматривала его лицо и никак не могла найти хоть что-то, что меня так зацепило в Филе. Может быть, именно этим? Вряд-ли. Все хорошие девочки мечтают о принцах, замках и спасении из лап огнедышащего дракона. Сказки, которые все же иногда случаются. Ксю с Полуниным, хоть он и не тянул на принца, или Лиса с его Яриком. Вот тут да. Даже Ромка завидовал белой завистью нашему преподавателю по праву. Не потому, что они с Лисой, а потому, что «Вольво». А я? Я же хорошая девочка. Тихонько вздыхала на Воронцовского, прекрасно понимая, что мне ничего не светит. Таким как он можно засматриваться, даже мечтать о таком, но надеяться... Может именно поэтому, узнав, что принц не мой, я вздохнула с об-

легчением. Проревелась, но вздохнула. Тем более Лиса и Воронцовский смотрелись рядом друг с другом ярче любых героев с обложек романов для девочек, которые все еще верят в то, что где-то по темному лесу на белоснежном коне скачет их принц, сверкая доспехами.

Но Фил не принц. И даже не рыцарь. Да и роль галантного кавалера никогда не подойдет такому как он. Злому, жестокому, с татуировкой на всю руку. А я все равно смотрела на него и искала хотя бы одну причину, объясняющую все и сразу. Искала, но не находила. Просто плохие мальчики – магнит для хороших девочек.

– Рит, – Ромка тихонько открыл дверь, зло посмотрел на спящего в моей кровати и помотал головой. – Иди спать. Я в зале буду, а ты в моей комнате.

– Хорошо.

– Рит.

– Ну что?

– Хватит с ним сидеть. Он все равно не оценит.

– А оно надо?

– Что?

– Чтобы оценил.

– Наверное, – Ромка почесал затылок, привалился плечом к косяку и снова тихонько позвал, – Рит. Ну нахрена тебе такой?

– Не знаю.

Он вздохнул, помотал головой и выдохнул: «Дурында

мелкая.» Видимо да. Именно дурында. Сiju, рассматриваю осунувшееся лицо, а внутри робко трепещет: «Ведь, если пришел, то это что-то значит, да?»

Я осторожно поправляю его руку, натыкаюсь взглядом на силуэт воющего волка на внутренней стороне предплечья и едва касаюсь его головы. Боясь, что сейчас картинка оживет и цапнет меня за палец. Ровно так же, как Фил «цапнул» меня своей не вяжущейся с ним заботой. Нарычал, заставил сунуть ноги в кастрюлю с водой, а потом ушел. И пропал. Чтобы потом объявиться без предупреждения. Зачем? Зачем ты пришел? Кто ты? Почему ты смотришь на всех волком? И в ответ молчаливая тишина и тихое дыхание. Не расскажет. Раньше вцепится острыми зубами, считая меня врагом, а потом уйдет в свой темный лес. Туда, где деревья искорверканы так, что хорошая девочка раньше переломает себе ноги, если вздумает пойти следом. Но он все равно пришел.

Я оборачиваюсь, чтобы убедиться, что Ромка больше не стоит в дверях. У хорошей девочки колошматится сердце, но, даже остановись оно сейчас, ничего не изменится. У плохого мальчика внутри слишком сильный магнит, а губы с привкусом металла.

– Спокойной ночи, волк, – тихонько шепчу я перед тем, как закрыть за собой дверь.

8. Фил

Лавандовое облако. Умиротворяющее, успокаивающее. Я впервые лечу в темноту с улыбкой на губах, чтобы облако не успело растаять и отпугнуло своим запахом кошмары, так похожие на моль, догрызающую мое сознание. Облако легонько касается лица и что-то шепчет надо мной, словно приманивает заклинанием хорошие сны. Бутч, что же ты вколотил мне под кожу? Что ты мне...

Я не открываю глаза. Медленно ощупываю постель, в которой лежу, и пытаюсь вспомнить, куда меня вчера вечером могло понести. Синее движение. А в памяти ничего. Но я точно не дома. В моей квартирке-студии пахнет совсем по-другому, и уж точно в ней нет даже намека на лаванду. Облизнув сухие губы, натыкаюсь языком на шершавую коросточку запекшейся крови на нижней – видимо, вчера я довыеживался и где-то отхватил. Вообще пустота. И никаких намеков на то, что потасовка была серьезной – ребра не ноют, челюсть шевелится нормально. Странно. Обыкновенно, если я нарываюсь, то последствия гораздо серьезнее. Но больше всего удивляет, что вокруг тишина. Будто оглох. И все же, куда меня занесло?

«Фил, где ты? Вспоминай. Напряги свои извилины. Пил. Помню, что пил. Вроде бы в студии. Точно. Ещё уговари-

вал Клейстера развязаться – бухать в одиночку было скучно, а Макс, зараза, упорно выливал вискарь, который я подливал ему в „Колу“. Видимо, он мне и втащил. Аккуратненько вырубил и куда-то оттрелевал. Куда? И, главное, зачем? Точно! Он и Мистик меня куда-то вели. Мистик ещё сказал, что так будет лучше. А потом они исчезли и появилось облако. Стоп! Лаванда... Лаванда... Фак! Фак! Фак! Скоты! Гребанные ублюдки!!! Лучше... Кому будет лучше? Мистик, урою за такие шуточки!!!»

Рывком сел и схватился за голову – нельзя, нельзя же так резко. Боль пробила от виска к виску, и память закрутилась, завертела свое кино, расставляя все в хронологическом порядке.

Она. Психанул. Испугалась. «Мама». Замкнуло. А вечером эсэмэс. «В этой войне я на твоей стороне». Сперва не понял от кого, а потом, когда дошло, телефон улетел в стену. Выорался на Мистика и Макса, но легче не стало. Легче не стало и после бутылки вискаря, не отпустило и на следующий день. И через день. А потом все сплелось в кашу из пьянок, каких-то левых телок, ржущих над тупыми шутками. И ни одна не могла вытравить из головы ее испуганное лицо. Я не хотел о ней думать, но все равно вспоминал. Что-то доказывал Макс, но он меня не слышал. Твердил, что нужно извиниться и поговорить.

– Перед кем?

– Ты знаешь.

– Мне не за что извиняться!

– Тогда почему ты так бухаешь?

– Просто совпало. Бывает.

– Кого ты лечишь, Фил?

– Заглохни! Много ты понимаешь.

– Видимо побольше некоторых.

– Клейстер, отвали! Это тебя не должно колыхать.

– А меня колышет! Вместо того, чтобы работать и писать музлу, ты нажираешься, как последняя скотина. Значит, чувствуешь, что есть за что извиняться.

– Все, отвали. У меня праздник вроде как, – включил музыку и выкрутил громкость на максимум. – Йоу! Цыпы! Гуляем! Фил все ещё здесь!

И Макс отвалил. А его слова, словно заноза, все кололи и кололи в груди, сколько бы я не пытался от них открепиться. Пробрались так глубоко, что, стряхнул с колен очередную фанатку, слюнявящую мои губы, и разогнал весь шалман, не стесняясь в выражениях. Гнал всех. Кроме Мистика и Макса. Одного отправил в бар за бутылкой вискаря, а второго попросил показать, что у него есть из новенького. Нацепил наушники в комнате записи и мотал головой на каждый новый бит, который он включал. До тех пор, пока не услышал то, что попало в резонанс.

– Братка, сделай чутка помедленнее. Еще медленнее. Оставь так. А можешь придумать что-нибудь такое, чтобы душу разрывало на части?

Мистик удивленно посмотрел на меня через стекло и кивнул, добавляя минорные аккорды пианино и протяжные, плачущие переливы скрипки.

– Оставь... – я опустился на пол, закрыл глаза и привалился спиной к стене, позволяя музыке вырывать мое сердце. Или то, что от него осталось. – Мистик, ты тоже считаешь, что я накосячил?

– Не думаю, что это мое дело, Фил.

– И все же.

– Есть такое.

«Есть такое... Есть такое, что я косячу.»

Несколько минут я сижу, сцепив руки замком на затылке.

– Она послушала запись и написала.

– Когда?

– Ну, в тот день, вечером. И знаешь что? В этой войне я на твоей стороне. Прикинь.

– А ты? – вопрос, на который отвечать не хочется. Вслух не хочется.

Я помотал головой.

– Сделай погромче... и уйди...

Мистик молча поднялся, погасил в студии свет, оставляя только крохотную лампочку над пультом, а я поднялся на ноги и подошел к микрофону. Накрыл его ладонью и стал ждать. Оно придет. Обязательно придет. Оно работает именно так. А музыка стала медленно тормозить занозу, словно лёгкий ветерок раздувающий крохотный уголек, превращая

его в центр пожара, в котором я хотел сгореть.

«В этой войне я на твоей стороне... Да что ты знаешь о ней? Что ты знаешь обо мне?»

В этой войне нет намека на жалость,
Только острая сталь несмотря на усталость.
Нет защиты от стрел, что летят непрерывно,
Только горечь потерь и ад криков надрывных.
В этой войне места нет для прощения.
Есть лишь приказ, чтобы без сожаления
Вспарывать груди, закрытые латами.
Жалость и страх – это дело двадцатое.
Кровью забрызганы меч и забрало.
Крепче кулак, чтоб рука не дрожала.
Ангелы смерти пируют над полем
В мире, где нет ничего кроме боли.
В этой войне не прийти к перемирию —
Лишь бы украсть полчаса у валькирии,
Чтобы вспороть, выгрызть новый замах.
В этой войне кровь всегда на губах...

Я снова нащупал языком коросточку на нижней губе
и криво ухмыльнулся – напроорочил сам себе. Поднялся
с кровати, наплевав на вновь взорвавшуюся от боли голову,
и осмотрелся.

Там, где твой мир, все в цветах, ярких красках.
Полки с игрушками, детские сказки.
Там, где твой мир, тонкий запах лаванды,
Ёлка зимой в переливах гирлянды.
Там есть поля в синеве васильков,
Рифмы любви, словно косы из слов.
Там, где твой мир, есть наивная вера,
Шелест листвы и прогулки по скверам.
Тихие сны, что рисуют картинки
Капель росы по краям паутины.
Там, где твой мир, есть улыбки и счастье,
Здесь же, где я, лишь оскалы и пасти.
Здесь волчий вой по ночам под луной
Рвется из горла над мертвой землёй.

Я помню, как со всей дури швырнул наушники в стекло,
за которым сидели Мистик и Макс.

«Скоты! Я же просил уйти!!!»

Помню, как орал в комнате, не понимая, что со мной происходит:

– Я же все сказал! Все!!!

Но заноза никуда не исчезала и стала ещё острее драть внутреннюю. А сейчас мои пальцы осторожно трогают плюшевого зайца на полочке, пробуют на ощупь наброски и рисунки цветов, разбросанные по столу... И мне становится страшно от того, что все, что я вываливал в студии перед

микрофоном, перешло в реальность. Словно за ночь, пока я спал, трансформировалось из слов и переключалось в эту комнату. Ещё и коробочка с диском на музыкальном центре – чужеродное пятно среди всех вещей. Чтобы ещё сильнее убедить – мы живём на разных полюсах, а я был прав. Прав, когда гнал ее подальше от своего мира. Прав, что не ответил. В моём мире не пахнет лавандой, а в ее – нет места для грязи из моего.

– Твои джинсы.

Она стоит в дверях и не решается войти в свою собственную комнату.

– Зачем ты меня впустила?

Вздрагивает. Боится поднять глаза, словно не я, а она пришла ко мне ночью. И эта заминка, как порох для моих нервов. Я открываю рот, чтобы выораться, но только хватаю воздух и, словно заевшая пластинка, повторяю: «Ты! Ты! Ты!» А что именно, не могу сказать. В голову проникает этот запах лаванды, убаюкавший мои кошмары, а память подсовывает полупрозрачное видение, где ее волосы едва касаются моего лица.

«Облако...»

– Ты? Зачем? – уже тише спрашиваю я.

Она пожимает плечами, осторожно кладет джинсы на край кровати и уходит. Молча, без единого слова. Как я несколько дней назад. Быстро нацепив на себя одежду, я стою и не могу понять, что это сейчас было: месть или намек,

чтобы не задерживался и сваливал побыстрее. Да и в принципе, какая разница? Остаться здесь дольше я не собираюсь. Выхожу в коридор, тяну с вешалки куртку, когда Рита выходит из кухни.

– Завтракать будешь?

И этот вопрос, прозвучавший в спину, самый простой вопрос, который задаётся каждое утро в миллионах квартир как нечто обыкновенное и будничное, повис в воздухе. Я залип с курткой в руке. Медленно развернулся и кивнул, вытаскивая из кармана пачку сигарет. Будто и не собирался никуда уходить, хотя минуту назад планировал совсем другое. Так и пошел за Ритой – в одной руке куртка, а в другой сигареты. Опустился на табуретку, пытаюсь понять, что же конкретно меня так стопорнуло.

– Ешь, – ее голос звучит так, словно с трудом пробивается сквозь мои мысли, а на столе возникает тарелка с яичницей и вилка.

Я туплю, рассматривая три желтка, протыкая один и, когда он медленно растекается, поднимаю глаза:

– Мне мама так делала. И еще хлеб поджаривала...

– Хочешь гренки? Как она их делала?

– Я не помню.

Горло свело, и мне стало тяжело дышать, а Рита достала из шкафа сковороду и поставила ее на плиту.

– Филипп, зайчонок, иди завтракать!

– Ма, ну ещё минуточку...

– А кто мне собирался помогать?

Мама смеётся, отгибая край одеяла, под которым я прячусь и никак не хочу вылезать.

– И где же спрятался мой любимый мальчик? – ее ладонь безошибочно находит мою ногу и щекочет. Так, что я начинаю дёргаться в своем убежище и хохотать. – Вставай, зайчонок. Если поторопимся, то папа отвезёт нас.

– Правда?

– Правда.

– Ура!!!

Я вскакиваю с кровати и бегу умываться в ванную, а потом на кухню, где мама уже дожаривает гренки. Странное название, и ещё более странное то, что вырезанную из хлеба ёлочку нужно потереть чесноком.

– Чтобы вырасти таким же большим и сильным, как папа.

И я тру, хотя мне не очень нравится этот вкус. Ведь если я стану, как папа, то у меня тоже будет огромная черная машина и дядя Гуря с пистолетом. Он обещал научить стрелять, когда я подрасту. И ещё драться, как взрослые в фильмах. Так, чтобы меня никто не обижал. Особенно

Федька.

– Чеснок. У тебя ведь есть чеснок? – спрашиваю я с надеждой.

– Да. Посмотри на полочке в холодильнике.

Чищу один зубчик и тру им обжаренный хлеб с каждой стороны, не обращая внимания на то, что обжигаю пальцы.

«Яичница-солнышко и гренки с чесноком... Мама, я вспомнил... вспомнил...»

Я мою за собой тарелку, как в детстве. Только теперь мне не нужно вставать на табуретку, чтобы дотянуться до крана. И никто не взъерошивает мои волосы. Тогда они были длиннее, за что Федька постоянно обзывал девчонкой, а я обижался.

– Спасибо... Я позвоню.

Теперь я точно знаю, что позвоню. Нужно только купить телефон и восстановить сим-карту – салфетка с номером должна лежать где-то в квартире. Или закажу детализацию звонков, если не найду.

– Диск. Ты забыл диск, – Рита смущается и протягивает мне коробочку.

– Не понравился?

– Понравился. Просто...

– Тогда оставь себе. Пока. И это... я был не прав.

Мне удастся выдавить из себя хоть что-то отдаленно похо-

жее на извинения. Признать, что все же накосячил, и тут же сбежать. Чтобы она не догадалась – я не умею извиняться. Просто не умею, не знаю, как это делается в ее мире. В моем все гораздо проще.

Выскочив на улицу, я запоминаю адрес и иду в сторону ближайшего магазина сотовой связи – купить телефон, восстановить сим-карту и заказать детализацию. Мне смешно от того, как реагирует на меня девушка-консультант. Видимо, в ее голове не укладывается, что с утра у ее отдела может топтаться небритое чудовище, а после открытия ввалиться, ткнуть пальцем в витрину на мобильник с ценой под сто тысяч и со спокойной рожей расплатиться.

Я жду, когда с облака сольются контакты и звоню Бутчу: – Братка, а ты знал, что ангелы пахнут лавандой?

Он молчит, переваривая вопрос. Мне даже начинает казаться, что я вот-вот услышу, как у него закипит мозг, но в трубке раздается недовольное:

– Если ты набухался, то сперва проспись. И дай другим выспаться. Я вчера колол до пяти утра.

– Бутч, я трезвый.

– Что-то не верится.

– Помнишь мамины гренки, Бутч? – я поднимаю руку, чтобы остановить такси.

– Ёлочки... Конечно помню. Ты где?

– Не важно. Подожди пять сек, – я сажусь на заднее сиденье и спрашиваю у водителя, – До Новохолмовского сколь-

ко?

– Пятьсот.

– О'кей. Тормознешь у какого-нибудь цветочного по пути?

– Остановка – сотня сверху.

– Не вопрос. Поехали, – я снова подношу трубку к уху, – Бутч, я тут.

– Фил, ты там точно трезвый?

– Есть сомнения?

– Ангелы, лаванда, гренки... – он хмыкает и зевает, – К маме поехал?

– Да.

– Я скоро подтянусь. Бахну кофейку только.

– О'кей. Сорян, что разбудил.

– Да норм. Завтра отосплюсь.

Бутч отключился, а я вытащил из кармана распечатку де-тализации и быстро нашел номер Риты – абонент, отправив-ший последнее входящее эсэмэс. Забил цифры в телефон и откинулся на спинку сиденья.

– Привет, ма, – я осторожно опускаю розы на снег и тро-гаю уголок мраморной плиты. – Ты только не ругайся, я знаю, что дерьмово выгляжу. Решил поболеть немного, но больше не буду. Видишь, даже в куртке сегодня пришел. Без шарфа, но уже в куртке. Взрослею.

Сел на скамейку, достал из пачки сигарету, и, покрутив ее

в пальцах, убрал обратно.

– Помнишь, я тебе рассказывал про Мистика и Клейстера? В общем, мы тут с ними вроде как музыкой занялись. Ну как музыкой... Я знаю, что тебе рэп не очень, но пацаны говорят, что у меня есть варианты. Вроде на радио что-то крутят уже. Может быть выстрелим и дальше. Концерты там, стадионы... Глупость, да? Или все же нет? Мам... Ты бы гордилась мной? Вот только честно. Наверное, да? – посмотрел на фотографию, поднялся и все же закурил, стряхивая пепел за оградку. – Ты только ничего не говори. Просто послушай. Я запутался, мама. Реально запутался. И с каждым днём всё становится только хуже. Как снежный ком. Иногда даже хочется свалить куда-нибудь подальше, но куда? Да и смысл? Я здесь-то никому не нужен... Может батя только спасибо скажет. Не буду ему мешаться с Ингеборгой...

Я усмехнулся, представляя себе картинку счастья у отца, когда моя физиономия исчезнет из его поля зрения и тем самым развяжет руки. Твори, что хочешь, папаня. Сыночка не вломится посреди ночи и не будет доводить психологию до состояния нервного тика своим присутствием в вашей идеальной квартире. Как бы Ингеборга не пыталась найти точки преткновения, а по сути так оно выглядело, я изначально не шел на контакт и не пойду. Для меня рядом с отцом могла быть одна единственная женщина – мама. Остальные – мишура, – которые никогда не смогут даже на сотую часть стать ей. Ингеборга только и делала, что лезла в душу

со своим псевдоинтересом. Даже защищать полезла, чтобы втереться в доверие. Идиотка. Батя может на такое и купиться, но только не я. Мне не нужно объяснять, что так его психологиня зарабатывает плюсики и бонусы в виде брюликов. «Смотри, я ведь стараюсь.» Интересно, сколько он на нее уже спустил? А если посчитать всех его «кандидаток» на роль мачехи?

– Мама, что мне делать?

– Жить, братишка. Просто жить.

Бутч стоял за моей спиной, а я даже не услышал, как он подошёл. Облокотился на оградку и хмыкнул, посмотрев мне в глаза:

– Реально трезвый. Я уж подумал, что все. Допился до белочки.

– Не каждый же день.

– Умная мысль. Запомни, – он притоптал снег, кивнул на скамейку, – Посидим чуток?

– Давай.

– Где пропадал? – Бутч стряхнул снежную крошку с досок и опустился на край. – Бухал опять?

– Есть такое.

– Не надоело?

– Бутч, не лечи, ладно? Знал бы другой способ...

– А ты его искал? Или по пути наименьшего сопротивления?

– Бутч...

– Бате звонил?

Я помотал головой.

– Понятно, – он вздохнул и потом тихо рассмеялся.

– Что?

– Да так, – Бутч критично осмотрел меня с ног до головы и хмыкнул.

– Так что?

– Знаешь, братишка, видок у тебя ни хрена не подходит под описание новой звезды рэпа.

– Че?

– Ты вообще выпал из мира? Или радио не слушаешь?

– Да как-то не до этого было.

– Хочешь совет?

– Завязывать бухать?

– И это тоже, – усмехнулся Бутч. – А если серьезно, то соберись и весь свой негатив пусти в другое русло. Вроде как с текстами у тебя проблем нет, музло тоже качающее. Попробуй так выговориться, а не держать в себе. Полегчает.

– О-о-о... – протянул я, – Ингеборга-психологиня нарисовалась, версия два точка ноль.

– Дать бы тебе по зубам, да ты ни хрена не поймешь.

– Я же debil. Сам говорил.

Бутч коротко хохотнул и хлопнул меня по плечу:

– Пойдем, покажешь мне свою студию. Буду потом хвастаться клиентам, что у меня братишка звезда, – он поднялся, посмотрел на фотографию на плите и тихо добавил. –

Мама бы тобой гордилась.

Мистик с Клейстером подскочили и ломанулись в разные стороны, когда я ввалился в студию с воплем:

– Всем лежать, ска! Работает ОМОН!

– Долбоящер... – выдохнул Макс, увидев, что вместо обещанного маски-шоу, в дверях стою я. Поднял с пола кружку, которую выронил, и стал стягивать толстовку с темным пятном. – Попил кофе называется. Мудила ты, Фил.

– Расслабься. Свои.

– Свои... – он нервно хохотнул, а потом громко заржал, – Сука, чуть не обделался! А этот... – Клейстера согнуло по полам, – Мистик, ты чё к окну рванул? Решил с четвертого этажа вниз сигануть? Десантник херов!

– Да пошел ты! – Мистика тоже накрыло. Просмеявшись, он плюхнулся обратно в кресло. – Фил, завязывай с такими шуточками.

– По поводу шуточек потом поговорим. Обязательно, – я многозначительно посмотрел на обоих, дёрнул подбородком в сторону двери и спокойно произнес, – Знакомьтесь. Бутч. Мой старший брат.

Парни переглянулись, но от вопросов воздержались. Поднялись, пожали руку Бутчу, а он обвел студию взглядом и хлопал меня по плечу:

– Солидно, братишка. Не как у меня, конечно, но уровень чувствуется. Обидно только, если такая техника будет пы-

литься в пустую.

– Не начинай, а.

– А давай с тобой забьемся на рукав?

– В плане?

– Если через месяц ты будешь в топе чарта, то я тебе забью второй рукав на халяву. И парням твоим сделаю. Типа, чтобы все на стиле.

– А если нет?

– Тогда ты на полгода завязываешь с бухлом.

– Бутч, это хрень какая-то.

– Да? У тебя все для этого есть, Фил. Студия, на радио уже крутишься. Считай осталось только чутка поднапрячься. Изи вин, братишка. Ну как? По рукам?

Я обернулся и посмотрел на Мистика и Клейстера. Что-то внутри шкрябануло, что подобное предложение слишком смахивает на бесплатный сыр в мышеловке, но Бутч вряд-ли станет делать такое западло. Макс кивнул сразу, а Мистика, как и меня, напрягло.

– Любой трек? Или абсолютно новый? – спросил он.

– Давай что-нибудь новенькое. Или с этим у вас проблемы?

– Да вроде нет. Просто уточняю, чтобы потом не было непоняток.

– О'кей, – Бутч потрогал пару регуляторов на пульте, а потом посмотрел мне в глаза. – Новый трек, в котором ты расскажешь, что у тебя творится тут, – его палец ткнулся в об-

ласть моего сердца. – Тебе ведь есть, что сказать, братишка?

Я кивнул.

– Любое место, не ниже третьего, и с меня три рукава.
По рукам?

Он протянул ладонь, а Мистик с Клейстером поднялись и встали рядом со мной.

– Макс, как думаешь? – спросил я.

– Фил, а почему нет? Твой брат дело говорит. Ты уже на радио. Не с нуля же.

– Мистик?

– Если ты читаешь, то музыку я сделаю. Решать тебе, но думаю, что в тройку мы точно войдем.

– Фил, твое решение? – Бутч поднял ладонь чуть выше.

– Дело ведь не в рукаве? – спросил я.

– Дело в том, что тебе есть что сказать этому миру, братишка. Так скажи.

Я несколько секунд колебался, а потом сжал ладонь Бутча.

10. Маргарита

Всю дорогу до универа у меня не выходила из головы его улыбка. Грустная, щемящая сердце улыбка. Совсем не вяжущаяся с рвущейся наружу злостью, когда я зашла в комнату с джинсами. Такая нестыкующаяся с речитативом песен, в которых Фил объявил войну всему миру. Словно мне приоткрылся он настоящий. Живой, умеющий чувствовать что-то кроме слепой ненависти, топорщащей во все стороны свои иголки. У волка из страшного леса было сердце. И оно болело. Так сильно, что боль сперва ослепила его, а потом заставила видеть во всех окружающих врагов. И я каким-то чудом умудрилась пробиться сквозь все эти колючки, которыми оно себя окружило, и выудить воспоминание, отозвавшееся улыбкой. И ещё увидела глаза. Чистые и голубые, как два кусочка весеннего неба после дождя. Не затянутые пеплом, а по-детски наивные глаза мальчишки. И я так же, по-детски, поверила в то, что он позвонит. Может не сегодня или завтра, но позвонит.

И, кажется, у меня на лбу было написано крупными буквами, что Маргарита Искаева сегодня самый счастливый человек на свете. Ромка даже не стал ничего спрашивать, увидев меня в фойе универа. Покачал головой и вместо вопросов обозвал мелкой дурындой. Просто ему было не понять, как хорошие девочки тянутся к плохим мальчикам. Особен-

но, когда они ими только кажутся.

– А где все? – спросила я, удивляясь тому, что братик курсировал у раздевалки в гордом одиночестве и рядом не было никого из нашей компании.

– Пашка с Ксю поперлись в библиотеку за методичкой, Сашку Изольда отправила на кафедру отксерить расписание лаб, а Лиса с Воронцовским уехала показания давать.

– А ты тогда чего здесь?

– А где мне еще быть, если ты непонятно где шарахаешься?

– Ой, вот только не надо, ладно? – я всучила ему в руки свою сумку и стала снимать куртку. – То, что ты старше, не означает, что я буду перед тобой отчитываться.

– Был бы нормальный, ни слова бы ни сказал. А так...

– Он нормальный, – мне уже стало ясно, что Ромка сейчас подсядет на тему нравоучений, и придется пререкаться до тех пор, пока ему это не надоест, или я не соглашусь с его точкой зрения.

– Ну да... Давно у нас нормальные ночью бухими по гостям шлаться начали?

– Ром! Если бы ты не стал его лупасить с порога, мы бы просто поговорили, и я его отправила домой. А так – сам виноват. Надо рассчитывать свои силы.

– Я не куплюсь.

– А я и не собираюсь тебе лстить. Как будто не видел, в каком состоянии он пришел.

– Мне важнее в каком состоянии была ты, а не он! – Ромка забрал номерок у гардеробщицы и потопал за мной к зеркалу. – Если еще раз припрется, втащу так, что потом надолго дорогу забудет!

– Ромка, хватит! – я быстро поправила волосы и развернулась к брату. – Мне он нравится, тебе нет. Я это уже и так поняла. Давай каждый останется при своем мнении?

– Дурында. Навешает тебе лапши на уши, а ты потом опять будешь реветь.

– Не буду. А если и буду, то сама попрошу тебя ему втащить.

– Как будто я спрашивать буду.

– Вот и договорились. И еще. Фил сказал, что позвонит.

– Бесполезно... – Ромка махнул рукой и насупился. – Предки-то хоть твоего нормального не спалили?

– Не спалили. Он ушел минут через сорок после тебя.

– Хоть где-то мозгов хватило. Стой.

Ромка выковырял маленькую пушинку, запутавшуюся в воротнике моего свитера, показал ее и беззлобно выдохнул:

– Пойдем, курица.

Вообще, у меня самый лучший брат. И хотя с детства в мою сторону частенько летят эпитеты вроде дурынды, той же курицы или мелкой (хотя я и родилась всего на полчаса позже), меня это не обижает – Ромка всегда бурчит с по-

зии старшего, если его сестрёнка «косячит». Но в то же время я знаю, что он лучше всех понимает и чувствует все, что со мной происходит. Близнецы, одним словом. Сколько себя помню, Ромка всегда приходил, если я начинала хлюпать носом, сидя у себя в комнате. Вроде и не слышал ничего, а уже стоит в дверях с ворохом платков в руке:

– Эй, ты чего?

И чем старше мы становились, тем смешнее оказывались «последствия» близнецовости. Когда у меня начались месячные в первый раз, Ромку крутило едва ли не также, как меня. Словно все, что чувствовала я, дублировалось ему, а в ответ мне «прилетали» его ощущения и настроение. До сих пор не могу понять как это работает, но в семнадцать лет мы договорились, что всегда держим мобильный под рукой и эксперименты с алкоголем по одиночке не производим. Если перепьет кто-нибудь один, то потом мучаться обоим. И это ни разу не прикольно. Вот только причиной этой договоренности послужило совсем не похмелье или больная голова. Просто одна дурында решила, что она уже достаточно взрослая, и никто не узнает, что вместо ночёвки у подруги, на самом деле будет дача. И не Катька с параллельного, а первая любовь. Ромка тогда отчитал меня похлеще любого родителя. Больше всего за то, что выключила телефон. Болезненные ощущения, которые я постаралась притупить заранее выпитой бутылкой вина, «прилетели» домой и перепугали его не на шутку. И только когда Ромка сломал ногу, до ме-

ня дошло, как он тогда был прав. Если бы братик не отзвонился сам, то я бы точно свихнулась. Поэтому и не обижаюсь на его бубнеж.

Ромка топал по ступенькам, громче обычного.

– Хватит бычить.

– Я не бычу. Просто ты – дурында. И не видишь очевидных вещей.

– И каких же? – я догнала Ромку и пристроилась рядом с ним.

– Я лучше промолчу.

– Нет уж, скажи!

– О'кей, – он остановился и, развернувшись ко мне, негромко сказал, – Рит, он тебе не позвонил тогда, понимаешь?

– И что?

– А то, что не позвонит и в этот раз. Только без обид, ладно? Включи голову и посмотри на все это с другой стороны. На кой черт он тебе сдался?

– Ты просто его не знаешь!

– Дурында! Как будто ты его знаешь, – Ромка помотал головой. – Сперва Воронцовским себе голову заморочила, теперь этим... Ритусь, я же за тебя переживаю...

– Он позвонит! – отчеканила я и рванула вверх по лестнице. Не останавливаясь, влетела в туалет и заскрипела зубами от злости. – Вот увидишь, позвонит.

До конца пар я демонстративно не разговаривала с Ромкой. Даже специально садилась на самый дальний ряд, чтобы до него дошло, что я обиделась. И обиделась очень сильно. Ничего не стала объяснять Ксюхе и Сашке, когда они в перерыве попытались выяснить причину нашего такого странного поведения. Не сказала и Алисе, вернувшейся почти под самое окончание четвертой пары. Ромка меня выбесил своей непрошибаемой уверенностью, только и я в ответ уперлась рогом. Уж что-что, а срались мы ничуть не реже обычных людей. Тем более он не видел то, что видела я. И стоило вечером на экране телефона высветиться надписи «Фил», радость от того, что он позвонил, и злорадство, что Ромка оказался не прав, тут же заиграли счастливой улыбкой на моих губах. Схватив мобильник со стола, я выскочила из своей комнаты, влетела в Ромкину и ткнула пальцем в имя абонента:

– И что я говорила? Не позвонил ведь, да?

– Дурында... – брат лишь на мгновение оторвался от монитора и снова стал что-то гуглить. – Это ничего не значит.

– А вот и значит! – я развернулась на пятках и полетела обратно, нажимая кнопку ответа. Захлопнула дверь, одновременно говоря, – Привет.

– Привет. Чем занимаешься?

– Да так. Ничем особенным.

– Если хочешь, приезжай в «Feelings». Я как раз собирал-

ся пойти вниз и поставить греться воду.

– Какую воду? – запнулась я.

– В которой ты будешь отогревать ноги, – засмеялся Фил.

– Я надену зимние сапоги.

– Тогда чайник поставлю. Набери, как к клубу подъедешь.

Я тебя встречу.

– Хорошо.

Он сбросил вызов, а я две минуты стояла и глупо хлопала ресницами, переваривая услышанное. Посмотрела на часы, на шкаф, на свое отражение в зеркале... и рванула в ванную.

Ромка молча наблюдал за тем, как я скакала на одной ноге, натягивая сапог. Привалился плечом к косяку, словно решил поиздеваться. Еще и пробурчал напоследок:

– Если завтра с утра у меня будет болеть башка...

– Сама разберусь как-нибудь!

– Ритуся, а ты куда? – выглянула из комнаты мама.

– В клуб полетела, – хмыкнул Ромка.

– Только давай не долго. И домой на такси! Вова, у тебя наличка есть?

– В кошельке посмотри. Рублей пятьсот было вроде... Ну! Ну! НУ!!! – папа подскочил с дивана и зло зашипел в сторону телевизора, – Да куда ты бьешь? Пас надо было отдавать!!! Понапокупают кривоногих!

Я сунула деньги в сумочку, чмокнула маму в щеку и полетела на улицу, улыбаясь от уха до уха.

У входа в клуб, несмотря на будний день, было слишком многолюдно. Народ толпился у дверей, перед которыми стояло трое охранников, а они особо не торопились кого-то пропускать внутрь. Можно даже сказать, что специально проверяли документы слишком придирчиво и дотошно. Ещё и на парковке не оказалось ни одного свободного места, и таксист высадил меня, остановившись буквально на мгновение – за машиной уже выстроилась вереница из автомобилей. Прямо какой-то нездоровый ажиотаж. Я прошлась по тротуару, огляделась, не зная стоит ли мне идти в конец очереди или лучше постоять в стороне, и позвонила Филу, отойдя на пару метров от недовольно гудящих людей.

– Приехала? Сейчас выйду.

Сбросил вызов, даже не услышав ответа, а через полминуты выскочил на крыльцо. И вот тут до меня дошло, что если бы я попыталась встать поближе, то меня просто смяли в лепешку – толпа, словно один живой организм, спрессовалась на пятачке перед охранниками и заорала: «Это он! Фил! Фил!» А он махнул рукой, что вызвало новый всплеск ора, и стал крутить головой, высматривая меня. Увидел, сказал что-то одному из охранников и они стали оттеснять толпу.

– Рита, давай быстрее!

Фил буквально втянул меня за руку в небольшой просвет и чуть ли не силой втолкнул в клуб.

– Пиздец какой-то! – он захлопнул дверь, посмотрел на меня и процедил, – Теперь точно пришибу Клейстера.

– За что?

– Да этот долбанный гений выложил в интернет несколько треков, а на обложке – вывеска клуба стоит. Придурок. Хотя бы координаты из свойств фотки потер перед тем, как заливать.

– Так это твои фанаты там? – спросила я.

– Видимо да, – Фил расправил плечи, вскинул голову и вальяжно произнес, – Детка, это лишь верхушка айсберга моей популярности!

Фыркнул и засмеялся без особой радости. Видимо, резко свалившееся внимание стало для него неприятным сюрпризом. Фил кивнул в сторону двери для персонала:

– Ладно, пойдем. Я вроде как обещал чай. Заодно покажу, как звёзды живут, – достал из заднего кармана рацию и щёлкнул кнопкой. – Стас, минут через пять можешь запускать.

– Принял, – прошелестело в ответ.

Фил пропустил меня вперёд и повел по коридорам куда-то в глубь здания, попутно заглянув в пару комнат или кабинетов, словно кого-то искал.

– Есть хочешь? – спросил он, остановившись у кухни.

– Да нет.

– А я бы чего-нибудь съел. Подожди секунду.

Фил без какого-либо смущения распахнул дверцы холодильника, вытащил две бутылки «Колы» и три пластиковых контейнера и никто из поваров даже ухом не повел. Ес-

ли бы в ресторане, где работал мой отец, кто-то просто зашёл на кухню без бахил и халата, то этого товарища тут же бы выпнули пинками и не посмотрели на должность. Директор, проверяющий – фиолетово. В святая святых чистота соблюдалась с маниакальностью. А за поползновения по холодильнику ещё и руки бы оторвали. Но тут все было иначе. Фил вышел в коридор и свернул в небольшой закуток, в котором оказалась винтовая лестница.

– Была когда-нибудь в студии?

– Нет.

– Сейчас покажу.

Парень стал быстро подниматься и снова повел меня по коридору, изредка оборачиваясь. Толкнул очередную дверь плечом и расплылся в хищной улыбке:

– А кто это у нас тут прячется? Я его везде ищу значит, а он тут...

– Фил... Согласен, косяк мой. – парень, который отдал мне диск в прошлый раз, подскочил с дивана и медленно попятился к окну. Увидел меня и махнул рукой, – Привет.

– Привет, – ответила я.

– Держи, пиарщик херов! Выпнуть бы тебя сейчас на улицу... – Фил бросил одну бутылку Максу и отступил в сторону, – Заходи, Рит. Знакомься, это лучший пиарщик всех времён и народов.

– Мы вроде как знакомы уже. Максим мне диск дал, – напомнила я. – И ещё был Мстислав... Мистик вроде бы, да?

– Он самый, – Фил поставил контейнеры на невысокий столик, скинул с них крышки, но есть не стал. Его внимание привлек потёртый ноутбук со стикером: «Фил, послушай!» – Что-то новое?

– Ну да, – кивнул Макс. – Он всерьез на рукав настроился.

– И как?

– Один вообще топчик, а второй, какой-то грустный очень, но Мистик оба оставил. Сказал, чтобы ты сам выбрал.

– Я потом послушаю.

– О'кей. Я тогда пойду? Чё мешать-то, да?

Макс бочком добрался до дверей и подмигнул мне.

11. Фил

Клейстеру сегодня однозначно везло. С утра его задницу спас своим появлением Бутч, а сейчас Рита. Догадаться, что именно Макс подбил Мистика оттараканить меня к ней, не требовало особой гениальности, и только полный кретин не смог бы сопоставить наш разговор и мое появление в квартире у Риты.

«Да и хрен с ним. Пусть живет,» – подумал я, наблюдая за тем, как девушка рассматривала пульт. И если Бутчу он не был особо интересен – посмотрел больше для того, чтобы обозначить сам факт того, что масштаб и размах вложений в студию оценен, – то Рита даже попыталась посчитать количество регуляторов, о предназначении которых я не имел не малейшего представления. Наверное, только Мистик смог бы объяснить что тут к чему относится, а мне хватало куцего: «Короче, вот этот – громкость основной линии, а этот отвечает за микрофон.» Ну и еще несколько крутилок, отвечающих за скорость воспроизведения и громкость колонок, стоящих по краям от этого пульта. Черт ногу сломит раньше, чем я пойму, как Мистик во всем этом разбирается. А судя по тому, какой взгляд бросила на меня девушка, вопрос о назначении регуляторов уже вот-вот созреет и сорвется с приоткрывшихся губ.

– Если честно, то я в этой фигне не очень разбираюсь, –

я решил заранее признаться в своей профнепригодности, но это вызвало только улыбку.

– Тут, наверное, что-то вроде рабочего места Мстислава? – спросила она, а я кивнул, едва сдерживаясь, чтобы не засмеяться.

Для меня Мистик звучало гораздо привычнее, чем Мстислав. Имечко то еще, конечно. Мстислав... Пока выговоришь, язык сломается. Да и он сам особо не заморачивался, предпочитая кличку, в которой сочеталось и его имя и небольшая отсылка к игре слов на английском. Достаточно было разделить слово на два и добавить в написании всего одну букву k, как «мистичный» резко превращалось в «моя палка», а что именно вкладывал Мистик в эту палку, догадываться нужды не было.

– Ну да. Все, что связано с музыкой – это к нему. Прикольные биты делает.

– А где твое?

– Эм-м-м... У меня тут вроде как отдельный кабинет, – я показал на закуток с микрофоном за стеклом. И сперва стало неудобно, а потом нахлынуло чувство гордости – впервые кто-то считал мое спонтанное увлечение чем-то серьезным. – Хочешь посмотреть изнутри?

– А можно?

«Да, ептыть, ты еще спрашиваешь?»

ЧСВ окончательно зашкалило, и я провел Риту внутрь комнаты для записи.

– Как-то так. Ты не смотри, что здесь все так аскетично. Ничего лишнего, чтобы звук правильный был.

– Круто! Ничего, если я померяю? – она посмотрела на наушники, а в глазах засверкало от какого-то детского восторга.

– Надевай. Сейчас еще кой-чего сделаю, чтобы ты по полной прониклась атмосферой.

Я быстро вышел, закрыл за собой дверь и включил первую из оставленных записей на ноуте Мистика. Нажал кнопку микрофона и спросил:

– Не сильно громко?

Рита в ответ помотала головой, плотнее прижала наушники к ушам и прикрыла глаза, покачивая головой. Один в один повторяя мои манипуляции.

– Прикольно! – заулыбалась она, – Ощущение только непривычное из-за того, что на тебя смотрят.

– Ну это для того, чтобы Мистик мог мне показывать ритм или громкость голоса, – соврал я. Меня стекло начинало напрягать только в тот момент, когда я открывал глаза, высказав все, что хотело вырваться из сознания.

– А эта музыка для новой песни?

– Ага. Включить вторую? Хочешь?

– Если это не секрет, то конечно!

– Секунду.

Я включил следующий бит и стал наблюдать за реакцией на лице Риты, слушая через колонки действительно очень

грустную музыку. Поднял регулятор микрофона на максимум и едва смог разобрать осторожное дыхание. Примерно так же я дышал сам – что-то внутри замерло, когда первые аккорды проникли в подсознание. Мистик видимо решил повторить эксперимент с моей просьбой о чем-нибудь рвущем душу. А Рита открыла глаза и смахнула невидимые слезинки.

– Вот прямо тут все сводит, – она прижала кулачок к груди, и я кивнул. Ощущение очень похожее. Удивительно похожее. – А у тебя уже есть слова?

– Еще нет.

– Жаль...

– Значит в первую очередь пишем ее? – спросил я.

– Я не знаю, – она пожала плечами. – И это тебе решать.

– Ну а ты бы какую выбрала?

– Я? Вторую, – улыбнулась Рита. – Просто она такая... блин, я не могу объяснить словами. Она очень сильно отличается от всего, что я слышала на диске. Ты только не подумай, что там все плохо... – она покраснела, словно застенялась, но я прекрасно понял о чем идет речь и кивнул. – На диске песни жесткие что-ли... блин... ну я действительно не могу правильных слов подобрать...

– Эта выбивается из общей картинки?

– Да. Такое ощущение, будто ледяной водой окатили. Такая глубокая, очень грустная. Слушаешь и хочется плакать, – Рита пожала плечами, осмотрелась вокруг и спросила, – А ты

специально запоминаешь слова перед записью?

– Почему?

– Ну тут ни одной бумажки нет. Я думала, что ты с листа записываешь, чтобы не запутаться и не забыть слова.

– Не. Я вообще никуда не записываю слов.

– А как тогда ты песни придумываешь?

– Хм... Если честно, то сам не знаю. Само как-то появляется.

– Это как? – удивилась она.

– Э-э-э... Вот ты же рисуешь, да?

– Немного, – Рита окончательно засмущалась.

– А как ты придумываешь что и как будет?

– Не знаю. Просто беру карандаш или кисточку, и оно само рисуется.

– Вот и у меня так же. Просто слушаю музыку и пишемся.

– Да ладно?

– Ну да. Чистый экспромт, – я поставил музыку на паузу и задал, наверное, самый глупый и неуместный вопрос, – Может по пиву под пиццу? У нас неплохо готовят, если что.

Рита пожала плечами, улыбнулась, а через мгновение кивнула.

Я вообще редко мог говорить с кем-нибудь настолько долго. А перескакивать с темы на тему, смеяться так, что сводило щеки... Никогда и ни с кем. Ни с Мистиком, ни с Клейстером. Обыкновенно все сводилось к обсуждению тачек, му-

зыка или пустому трепу ни о чем, а когда становилось понятно, что все пошло на второй круг, цепляли телочек, и там уже каждый был сам за себя. Ездили им по ушам, не парясь по поводу мата, звучащего через слово, а то и вместо слов... Но сегодня, я ловил себя на мысли, что стараюсь реже материться или подбираю наиболее мягкие вариации, если не получалось обойтись без подобной грязи. Не то что мне было стыдно... Нет. Просто не хотелось тащить все это в ее мир. А она... Фак! Чем больше мы с ней говорили, тем явственнее у меня в голове обретало реальность сравнения с ангелом. Настолько чистой, настолько другой она была. Вообще другой. И сравнивать Риту с кем-то из телочек или цып казалось чем-то из области безумия. Абсолютно ничего общего между ними не было. Если со вторыми я прекрасно знал, что через полчаса, максимум час, мне достаточно будет оплатить счет и намекнуть на продолжение вечера в другом месте, и все пойдет по стандартной схеме «такси-секс-такси», то с ней... Я реально кайфовал от простого разговора и еле уловимого запаха лаванды, заполнившего собой мои легкие, перекрывающего все своим ароматом. И когда она посмотрела на часы, меня шарахнуло от мысли – ангелу пора обратно. Вызвал такси и попросился проводить, чего не делал никогда раньше. Всех телочек на одну ночь я выпроваживал без капли сожаления и тем более не писал им эсэмэски с пожеланием хороших снов. А здесь... Все совсем не так. Вообще не так... Я ехал в клуб, сжимая в руке телефон, на экране

которого светилось: «Спокойной ночи, Фил.» Протянул таксисту две тысячных купюры и попросил ехать помедленнее, чтобы тупо пялиться на звезды в темноте неба. Мне до ужаса хотелось видеть, как мерцают в высоте яркие точки. И вернувшись в клуб, я до утра сидел на полу в комнате записи, слушал музыку, поставленную на репит, и прокручивал в голове прошедший вечер.

– Как хочешь, но мне кажется, что это рванет.

Сунул Мистику лист с текстом, который написал ночью, и, пока он читал, долго тер глаза – я так и не лег спать. А когда стали формироваться строчки, возненавидел себя за тупость. Нужно было спросить, какие кнопки жать, чтобы сделать запись самому.

– Бля-а-а-а... – протянул он.

– Давай без прелюдий. Если говно, то так и скажи, – сказал я.

– Фил, ты вообще понимаешь, что это? – Мистик передал лист Клейстеру и посмотрел на меня.

– Если честно, то я сейчас вообще нихера не понимаю, – мне с трудом удалось вытащить сигарету и подкуриться. – Поэтому и спрашиваю.

– Макс?

– Да погоди ты! Я так быстро читать не могу, – Клейстер прочитал первые строчки, шевеля губами, посмотрел на меня и показал большой палец.

– Дочитай сперва, – буркнул я, затягиваясь сигаретой.

– Фил, это просто бомба!

– Макс, дочитай, а потом уже выводы делай! Я сейчас на полном серьезе спрашиваю, а не в бирюльки играю.

– Хочешь по-серьезному? О`кей, – Клейстер осторожно опустил лист на столик и разгладил уголки. – Давай-ка сейчас ты пойдешь поспишь, а потом запишемся. Мистик все сведет по красоте, а я сразу же позвоню на «Стрит» и «Груверс».

– «Груверс» -то откуда нарисовались? – я помассировал виски и прикурил новую сигарету. – «Лаунж» куда делся?

– Да в задницу этот «Лаунж»! – Макс поднялся и стал курить между дверью и окном, – Я «Груверсам» скидывал демку, но они меня послали, а вчера написали, что возьмут что-нибудь из нового в ротацию. Понимаешь? Прочухали, что просрали момент, а теперь волосы на жопе рвут.

– И?

– Фил, давай ты поспишь, а потом я тебе на пальцах объясню, что «Лаунж» и «Стрит» даже суммарно просирают «Груверсам» по охвату аудитории. И уровень уже совсем другой! А с таким... – Клейстер постучал пальцем по листу, – Могу смело башку поставить, но ты себе не то что рукав отхватишь, а выстрелишь так, что потом только успевай выбирать города для концертов.

– Да в жопу этот рукав и концерты, – я вдавил окурок в пепельницу и посмотрел Максу в глаза. – Оно этого стоит? Ре-

ально. Формат вообще другой!

– Мистик, ну хоть ты ему объясни...

– Филыч, короче, тема такая, – Мистик забрал у меня пачку с зажигалкой и закурил сам, что делал крайне редко. Выпустил дым в потолок и закашлялся. – Короче. Без соплей и истерик, как ты и просил. О`кей?

– Ну!

– Братка, это стопудовый хит!

– Тогда настраивай свою херобору. Пишемся сейчас.

– Как скажешь, Фил. Может ты и прав.

Пока Мистик колдовал над пультом, Клейстер сгонял вниз за кофе и кружками. Я буквально в два глотка проглотил содержимое своей, выкурил сигарету и стал барабанить пальцами по столешнице – меня распирало, мне хотелось записать эту песню. Не ради рукава, не ради места в ротации и чартах. Ночью, пока я чиркал карандашом в блокноте, в голове щёлкнуло, что это – то самое. То, о чем говорил мне Бутч. И я торопился. Чтобы не упустить момент, не потерять это состояние и не передумать.

– У меня всё готово, братка.

Мистик кивнул Клейстеру, а он открыл дверь в комнату записи и похлопал меня по плечу:

– Филыч, ты только не торопись. О`кей? Спокойно пишемся. Без нервяков. Лады?

– Я постараюсь, Макс.

Меня немного стопорнуло от этого напутствия. Я впервые

посмотрел на стойку микрофона и осознал, что сейчас мне нельзя облажаться. Тупо нельзя.

Наушники. Закрывать глаза. Каким-то шестым чувством увидеть, как Мистик за стеклом что-то говорит Клейстеру, и в комнате гасится свет. Остаётся только крохотная лампочка, освещающая пульт.

– Фил?

– Секунду. Дай мне секунду, – я делаю глубокий вдох и киваю.

Первые аккорды, а у меня сводит сердце и сохнет в горле. Накрыв микрофон ладонью, я растворяюсь в музыке, словно кубик сахара в кружке кофе. Меня здесь нет. Никого здесь нет. Есть только музыка и слова, которые просятся наружу. И я шепчу:

– Каждый день, каждый вздох, каждый удар сердца... Мама, прошу, поговори со мной... Хотя бы минуту...

Мой голос хрипит и я мотаю головой.

«Мама, помоги мне...»

Мистик, добавляет громкость. Будто чувствует, что сейчас мне нужно чуть больше этой грусти, а я встаю почти вплотную к микрофону. Так, что кончик носа упирается в сетку фильтра.

Прости меня, мама, я сегодня очень пьян.

Ты знаешь, мама, не спасает этот план.

Скажи мне, мама, что мне делать, как мне быть?

Ты дай совет, как дальше сыну нужно жить.
Я знаю – слышишь все, о чем тебя молю.
Ты видишь, мама, на коленях я стою.
И пусть молчишь ты, но я знаю, ты со мной.
Скажи мне, мама: «Как дела? Ну что с тобой?»
И я кричу сквозь слезы: «Мама, ты прости!
За то, что сын твой стал таким, сошел с пути.
За все грехи. За то, что рядом нет тебя.
Я умоляю, мама, ты прости, прости меня!»

Мне говорили: «Время лечит», – но все врут.
Я знаю мама, ты одна со мною тут.
Ты знаешь, мама, как сжирает эта боль.
Помолись за меня, прошу, скажи, в чем моя роль.
Я, словно призрак, превращаюсь в свою тень.
И ненавижу этот мир, ведь каждый день
С восходом солнца ты вновь таешь среди снов.
Только ты одна знаешь, как не хватает твоих слов.
И я кричу сквозь слезы: «Мама, ты прости!
За то, что сын твой стал таким, сошел с пути.
За все грехи, за то, что рядом нет тебя.
Я умоляю, мама, ты прости, прости меня!»

Я делаю шаг назад. Второй, третий. Рукавом вытираю лицо и осторожно снимаю наушники. Мне сложно поднять глаза и посмотреть на пацанов. Стыдно за то, что они увидели

мои слезы. Страшно признаться, что оказался таким слабым. Несколько минут в абсолютной тишине, и я медленно подхожу к микрофону, поднимая взгляд, не решаясь ничего спрашивать. Как бы не записалось, второй раз мне уже не поможет. Момент лучше уже не будет.

Мистик стягивает свои наушники, показывает большой палец и отворачивается от меня и Клейстера. А Макс сидит на диване, сгорбившийся, натянув капюшон так, что видно только часть подбородка, трет ладонью глаза, мотает головой и тянется за сигаретами.

После записи накатило состояние дикого и тупого опустошения. Все вдруг стало каким-то неважным и в момент утерявшим любой смысл. Я даже не стал слушать, что получилось. Кое-как скинул кроссовки, добрал до кровати и рухнул, заворачиваясь в одеяло, как в кокон – единственное, на что у меня хватило сил. Закрыв глаза и вырубился, провалился в темноту без единого сновидения. Словно смог выпросить еще одну передышку у памяти, изматывающей меня каждую ночь своими кошмарами. А когда проснулся, первая мысль в голове прозвучала словами и голосом мамы: «Ты молодец, зайчонок... Молодец!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.